

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

После похорон

Эркюль Пуаро

Агата Кристи
После похорон

«ЭКСМО»

1953

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

После похорон / А. Кристи — «Эксмо», 1953 — (Эркюль Пуаро)

ISBN 978-5-699-98429-9

Съехавшиеся на похороны миллионера-холостяка родные и близкие делят наследство. Причины смерти определены врачами как естественные. Однако адвоката семьи настораживает фраза, брошенная одной из родственниц: «Но ведь его же убили, нет?». А следующей ночью женщину, произнесшую эти слова, зверски убивают топором. Адвокат в замешательстве. Разумеется, ни о каком оглашении последней воли усопшего в такой ситуации не может быть и речи. Наконец он приходит к выводу, что только великому сыщику Эркюлю Пуаро по силам вычислить убийцу среди многочисленной родни...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98429-9

© Кристи А., 1953

© Эксмо, 1953

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	29
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Агата Кристи После похорон

Agatha Christie
AFTER THE FUNERAL

© 1953 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Джеймсу,
в память о счастливых днях, проведенных в Эбни*

Глава 1

I

Старик Лэнскомб ковылял из комнаты в комнату, поднимая шторы. Время от времени он поглядывал на улицу прищуренными и слезящимися глазами.

Скоро все они вернутся с похорон. Он зашаркал быстрее. В этом доме так много окон!

Эндерби-холл был громадным особняком, построенным в Викторианскую эпоху в готическом стиле. Шторы в комнатах были сделаны из когда-то роскошных, а ныне поблекших парчи и бархата, а на некоторых стенах все еще оставались куски выцветшего обивочного шелка. В зеленой гостиной старый дворецкий посмотрел на портрет Корнелиуса Эбернети, висящий над камином. Именно он и построил Эндерби-холл. Каштановая борода Корнелиуса агрессивно торчала вперед, а рука его лежала на глобусе – причем было ли это желание самого Эбернети или фантазия художника, сказать было сложно.

Агрессивный это был джентльмен, всегда думал про себя старый Лэнскомб и каждый раз радовался, что ему не довелось знать первого хозяина Эндерби-холла лично. Вот сэр Ричард был совсем другое дело! Отличный хозяин. И так неожиданно ушел, хотя доктор и лечил его – правда, совсем недолго... Конечно, хозяин так и не смог пережить смерть молодого мистера Мортимера. Старик покачал головой и прошаркал в Белый будуар. Это было совершенно ужасно – настоящая катастрофа. Такой прекрасный молодой джентльмен, такой здоровый и сильный... Невозможно было представить себе, что с ним может случиться нечто подобное. Жаль, очень жаль. И мистера Гордона убили на войне. Все одно к одному. Так все в нынешнее время и происходит. Вот для хозяина это и оказалось чересчур. И все-таки еще неделю назад с ним все было в порядке...

Штора на третьем окне в Белом будуаре не хотела полностью подниматься. Она застряла. Пружины ослабли, не иначе, – шторы были слишком старыми, как и все в этом доме. А эти старые вещи в нынешние времена никто не умеет чинить. Все говорят, что они слишком старомодные, да еще и качают головами с видом глупого превосходства – как будто старые вещи не были гораздо надежнее, чем вся эта современная ерунда! Уж ему-то, Лэнскомбу, это хорошо известно! Обыкновенная мишура, сделанная на скорую руку, – разваливается прямо у тебя в руках. И материал не тот, да и мастера уже не те. Да уж, это ему хорошо известно...

Со шторой ничего не сделаешь – придется идти за лестницей. А нынче взбираться по лестнице ему уже тяжело – голова сильно кружится. В любом случае сейчас не время заниматься ремонтом. Большого значения это не имеет, ведь окна Белого будуара не будут видны, когда машины возвратятся с кладбища, – а комнату в наши дни все равно никто не использует. Это ведь была женская комната, а женщин в Эндерби-холле не было уже давным-давно. Жаль, что мистер Мортимер не успел жениться. Все время мотался в Норвегию на рыбалку, в Шотландию на охоту или в Швейцарию покататься на лыжах – вместо того чтобы жениться на какой-нибудь достойной девушке и завести наконец детей. Детей в этом доме тоже давно уже не было.

И Лэнскомб задумался о тех временах, которые так и стояли у него перед глазами, – их он помнил гораздо лучше, чем последние двадцать лет, которые были для него как в дымке. Он уже не мог разобраться, кто за эти годы появлялся в доме, а кто покидал его и как выглядели все эти люди. А вот старые времена помнил отлично.

Мистер Ричард всегда был для своих младших братьев и сестер как отец. Его-то отец умер, когда ему было всего двадцать четыре года, так что ему пришлось сразу же заняться

семейным делом и каждый божий день, как по часам, отправляться в контору, чтобы содержать этот дом в достойном его порядке. А ведь это был счастливый дом, со множеством молодых людей и девушек, заполнявших его... Конечно, время от времени случались и ссоры, и вот тогда этим гувернанткам крепко доставалось! Лэнскомб никогда не любил гувернанток, считая их малодушными существами. Зато у молодых хозяек духу хватало сверх меры. Особенно у мисс Джеральдины. И у мисс Кора, хотя она и была намного моложе. А сейчас мистер Лео уже давно мертв, и мисс Лаура тоже. Мистер Тимоти превратился в настоящего инвалида, а мисс Джеральдина умерла где-то за границей. И мистера Гордона убили на войне. Хотя он и был самым старшим, мистер Ричард оказался самым крепким из них. Пережил их всех, хотя и не совсем – мистер Тимоти все еще жив, и мисс Кора, которая вышла за того неприятного молодца. Дворецкий не видел ее уже двадцать пять лет, а ведь в те годы, когда она уехала с тем парнем, мисс Кора была очень хорошенькой. А теперь ее и не узнаешь – такая плотная и так вычурно одета! Ведь ее муж был французом или наполовину французом – а выход замуж за них никому еще не приносил счастья! Но мисс Кора всегда была, как говорят в деревне, *слегка простоватой*. В каждой семье есть такая.

А вот она *его* сразу же вспомнила. «Да это же старина Лэнскомб!» – сказала мисс Кора, и было видно, что ей приятно его видеть. В старые времена они все его любили, и каждый раз, когда в доме устраивался званый обед, все они собирались около буфетной, а он скармливал им остатки желе и шарлотки по-русски, которые выносили из столовой. Тогда все они знали старину Лэнскомба, а сейчас уже мало кто остался из тех, кто помнил те денечки. Только молодежь, которую он никогда по-настоящему не понимал и которая думала о нем как о простом дворецком, который живет в этом доме уже целую вечность. Слишком много чужих людей, подумал старик, слишком много их приехало на похороны, и выглядели они все довольно жалко!

Но, конечно, не миссис Лео – уж она-то была совсем другая! Они ведь с мистером Лео время от времени заглядывали сюда, после того как поженились. Приятная женщина эта миссис Лео – настоящая леди! Всегда прилично одета, с красивой прической и выглядит как должно. И хозяйину она всегда нравилась. Жаль, что у них с мистером Лео никогда не было детей...

Лэнскомб встряхнулся – что это он занялся воспоминаниями, когда еще так много надо сделать? Теперь, когда на первом этаже все шторы были подняты, он велел Джанет заняться верхними комнатами и спальнями. Они с Джанет и кухаркой были на отпевании в церкви, но вместо того, чтобы ехать в крематорий, вернулись назад, чтобы заняться шторами и едой. Они, естественно, подадут холодный ланч. Ветчина, цыпленок, говяжий язык и салат. А на десерт – лимонное суфле и яблочный торт. Но сначала горячий суп. Надо проследить, чтобы он был у Марджори наготове – гости должны вернуться через минуту-другую.

Лэнскомб перешел на шаркающую рысь. Он бросил отсутствующий взгляд на портрет, висевший над камином в этой комнате, – парный тому, который висел в Зеленой гостиной. Прекрасное изображение белого атласа и жемчугов. А вот женщина, которую они окутывали, была ничем не примечательна. Кроткое лицо, крохотный яркий рот и волосы, разделенные на прямой пробор. Скромная и непритязательная женщина. Единственным фактом, о котором стоит упомянуть в связи с миссис Корнелиус Эбернети, было ее имя – Корали.

Прошло уже шестьдесят лет после появления на рынке мозольных пластырей «Корал» и сопутствующих им товаров, а они все еще пользовались популярностью. Никто не мог сказать, было ли что-то в этих пластырях такое уж выдающееся, но публике они нравились. Именно на фундаменте тех пластырей был построен сей дворец в неоготическом стиле с бесконечными акрами окружавших его садов. Именно доходы от тех пластырей обеспечивали семерых братьев и сестер и позволили мистеру Ричарду Эбернети умереть три дня назад очень богатым человеком.

II

На кухне, куда Лэнскомб заглянул со словами увещевания, его встретила кухарка Марджори. Она была еще совсем молодой – всего двадцать семь лет. Однако это не мешало ей быть постоянным раздражителем для старого дворецкого – уж слишком она была не похожа на все, что в его понятии определяло хорошую кухарку. У нее не было никакого достоинства, и она не испытывала никакого трепета перед его, Лэнскомба, положением. Часто она называла дом «настоящим мавзолеем» и жаловалась на громадные размеры кухни, посудомойки и кладовой, говоря, что «для того, чтобы их обойти, нужен целый день». В Эндерби эта женщина служила уже два года и оставалась здесь только потому, что деньги были хорошие, а мистеру Эбернети действительно нравилось, как она готовит. Она была прекрасной кухаркой. Джанет, которая стояла сейчас около стола, восстанавливая силы чашкой чая, была пожилой горничной, которая, хотя и цапалась с Лэнскомбом довольно часто, тем не менее всегда принимала его сторону в борьбе с молодым поколением, представленным Марджори. Четвертым человеком, находившимся в кухне, была миссис Джекс, которая «приходила», когда ее помощь была необходима, и которая сейчас наслаждалась похоронами.

– Это было великолепно, – сказала она, картинно шмыгнув носом и вновь наполняя свою чашку. – Десять машин и полная церковь; и каноник, на мой взгляд, так красиво провел службу... И день такой хороший... Бедный, несчастный мистер Эбернети – таких уже совсем немного осталось на этом свете! Ведь его уважали буквально все...

Послышался автомобильный сигнал, а затем раздался шум мотора: по подъездной аллее приближалась машина. Миссис Джекс поставила свою чашку и воскликнула:

– Вот и они!

Марджори включила газ под громадной кастрюлей, полной протертого куриного супа. При этом вся громадная кухня, памятник былому викторианскому величию, оставалась холодной и пустынной, как монумент давно прошедшим временам.

Машины подъезжали одна за другой, и люди в траурных одеждах вылезали из них и неуверенно проходили в просторную Зеленую гостиную. В большой металлической жаровне горел огонь – признак того, что наступили первые прохладные осенние денечки, – разожженный для того, чтобы позволить людям согреться после холода кладбища.

Лэнскомб вошел в комнату, предлагая шерри на серебряном подносе.

Мистер Энтвисл, старший партнер старой и уважаемой адвокатской конторы «Боллард, Энтвисл, Энтвисл и Боллард», стоял спиной к жаровне, стараясь согреться. Он взял предложенный бокал шерри, продолжая оглядывать собравшуюся компанию острыми глазами старого адвоката. Не со всеми присутствовавшими он был знаком лично, а ведь ему надо было, так сказать, рассортировать их. Представления, прозвучавшие перед отъездом на похороны, были поверхностными и поспешными.

Оглядев прежде всего старого Лэнскомба, мистер Энтвисл подумал про себя: «Бедняга сильно сдал – ведь ему уже почти девяносто! Ну что же, он получит свою достойную ренту. Уж *ему-то* беспокоиться не о чем. Верная душа. Теперь таких слуг уже не осталось. Всех этих горничных и нянюшек... Боже, помоги нам всем! Какая грустная жизнь. Может быть, и хорошо, что бедняга Ричард умер именно сейчас, ведь жить ему было не для чего».

Для мистера Энтвисла, которому было семьдесят два, смерть Ричарда Эбернети в шестьдесят восемь была действительно преждевременной, с какой стороны ни посмотри. Энтвисл ушел на покой два года назад, но, как распорядитель завещания мистера Эбернети и в качестве дани уважения одному из своих старейших клиентов и личному другу, лично прибыл на север страны.

Вспоминая подробности завещания, он мысленно оценивал членов семьи.

Миссис Лео, Хелен, он, естественно, хорошо знал. Очаровательная женщина, которая ему нравилась и к которой он испытывал большое уважение. Юрист одобрительно посмотрел на нее, стоящую около окна. Черное ей шло. И фигура у нее прекрасно сохранилась. Мистеру Энтвислу нравились чистые линии ее лица, волосы, зачесанные за уши, и глаза, которые когда-то спорили в яркости с васильками, да и сейчас все еще оставались ярко-голубыми.

Сколько лет ей сейчас? Должно быть, пятьдесят один – пятьдесят два. Странно, что она так и не вышла замуж после смерти Лео. Такая привлекательная женщина... Хотя они были очень близки друг другу.

Потом взгляд юриста перешел на миссис Тимоти. Ее он никогда близко не знал. Черный цвет ей совсем не шел – лучше всего она смотрелась бы в простой одежде из твида. Крупная женщина, благоразумная и трудолюбивая. Она всегда была хорошей и верной женой для Тимоти. Следила за его здоровьем, окружала его заботой, иногда, может быть, даже чересчур. Действительно ли Тимоти так болен? Мистер Энтвисл подозревал, что он – простой ипохондрик, и Ричард Эбернети, кстати, был того же мнения. «Конечно, в его бытность мальчиком у него была слабая грудь, – говаривал, бывало, он. – Но черт меня побери, если сейчас у него что-то серьезное». Что ж, у каждого должно быть свое маленькое хобби. Увлечением Тимоти была всепоглощающая забота о собственном здоровье. Верила ли во все это миссис Тим? Скорее всего, нет – правда, женщины никогда в этом не признаются. У Тимоти денег, должно быть, вполне достаточно. Он никогда не был транжирой. Хотя лишние деньги никогда не помешают, особенно сейчас, когда с налогами творится черт знает что. Вполне возможно, Тимоти пришлось значительно изменить свой образ жизни после войны.

Мистер Энтвисл перевел свое внимание на Джорджа Кроссфилда, сына Лауры. Лаура вышла за странного человека. О нем никто никогда почти ничего не знал. Сам он называл себя биржевым игроком. Молодой Джордж работал в конторе стряпчего – правда, компания была не очень уважаемой. Симпатичный молодой человек, хотя есть в нем что-то скользкое. Денег у него, скорее всего, немного. Лаура всегда была полной дурой в том, что касалось инвестиций, поэтому, когда лет пять назад она умерла, после нее практически ничего не осталось. Она была хорошенькой романтичной девушкой, но в деньгах не понимала ничего.

Мистер Энтвисл отвернулся от Джорджа Кроссфилда. Из этих двух девушек – кто есть кто? Ах да – вот это Розамунда, дочь Джеральдины, та, которая изучает восковые цветы на малахитовом столике. Хорошенькая девушка, можно сказать, даже красивая, но лицо глупое. Актриса. Все эти репертуарные театры и прочая ерунда. Вышла замуж за актера. Красивый мужчина, и прекрасно знает об этом, подумал адвокат, который имел сильное предубеждение против актерства как профессии. Интересно, кто он и откуда взялся...

И юрист с неодобрением посмотрел на Майкла Шайна с его светлыми волосами и грубоватым очарованием.

Вот Сюзан, дочь Гордона, смотрелась бы на сцене гораздо лучше, чем Розамунда. В ней гораздо больше индивидуальности. Пожалуй, даже слишком много для обычной жизни. Она стояла совсем близко, и мистер Энтвисл незаметно осмотрел ее. Темные волосы, светло-карие, почти золотистые глаза, полный, привлекательный рот... Рядом с ней стоит ее муж, с которым они только что поженились, – помощник аптекаря, если он правильно понял. Вот уж воистину помощник аптекаря! Во времена мистера Энтвисла девушки не должны были выходить замуж за мужчин, которые работают за прилавком. Но сейчас все переменялось, и они выходили замуж за *кого попало!* Казалось, что этот молодой человек с песочными волосами и ничем не примечательным лицом чувствует себя не в своей тарелке. Сначала пожилой адвокат не мог понять почему, но потом решил, что на этого юношу произвело слишком сильное впечатление количество родственников его жены.

Последней, на кого обратил внимание мистер Энтвисл, была Кора Ланскене. И в этом была некая справедливость, потому что Кора была в семье последышем. Самая младшая сестра

Ричарда, она родилась, когда их матери только что исполнилось пятьдесят. Бедная женщина не пережила своей десятой беременности (трое ее детей умерли в младенчестве). Бедная малышка Кора! Всю свою жизнь она была обузой для окружающих – росла высокой и неуклюжей, а кроме того, имела привычку время от времени выпаливать вещи, которые лучше бы никто не слышал. Все ее братья и сестры были к ней очень добры, стараясь нивелировать ее физические недостатки и исправлять ее ошибки в обществе. Никому и в голову не приходило, что Кора может выйти замуж. Она никогда не была привлекательной, а ее слишком пристальное и навязчивое внимание к молодым людям, посещавшим их дом, заставляло тех ретироваться в состоянии сильной паники. А вот уже потом, лениво вспоминая мистера Энтвисла, появился этот Ланскене – Пьер Ланскене, наполовину француз, с которым она встретила в Школе изобразительных искусств, где брала уроки того, как правильно изображать цветы акварелью. Однако как-то раз Кора забрела в класс, где рисовали живую натуру, и там встретила Пьера Ланскене, после чего, вернувшись домой, заявила, что собирается за него замуж. Ричард Эбернети свадьбе воспротивился – ему совсем не понравился Пьер Ланскене, которого он считал обыкновенным охотником за богатыми невестами. Но пока он занимался изучением прошлого молодого человека, Кора сошлась с ним и выскочила за него замуж. Основную часть своей жизни они провели в Бретани, Корнуэлле и других местах сборищ художников. Ланскене был отвратительным художником и не очень приятным человеком, но Кора оставалась ему верна и так никогда и не простила своей семье ее отношения к Пьеру. Ричард выделил сестре очень щедрое ежемесячное пособие, на которое они с мужем, как полагал мистер Энтвисл, и жили. Адвокат не был уверен, что за свою жизнь месье Ланскене заработал хоть шиллинг. Умер он лет двенадцать назад, а может быть, и раньше, подумал Энтвисл. И вот теперь появилась его вдова, фигурой напоминающая подушку, одетая в легкий артистический траур с гирляндами из черного агата, которая бродила по дому своего детства, дотрагиваясь до каких-то вещей и восклицая от удовольствия, что что-то из них она еще помнила. Кора совсем не пыталась изображать горе из-за кончины своего брата. Хотя, подумал мистер Энтвисл, она никогда не любила притворяться.

Вернувшись в комнату, Лэнскомб глухим и торжественным голосом, подходящим к ситуации, объявил:

– Ланч подан!

Глава 2

После прекрасного супа из курицы и множества холодных изысков, которые сопровождались превосходным шабли, атмосфера похорон несколько разрядилась. Большого горя по поводу кончины мистера Ричарда Эбернети никто из присутствовавших не испытывал, потому что ни у кого не было с ним тесных связей. Их поведение было достаточно благопристойным и подавленным (за исключением поведения Кору, которая не скрывала, что наслаждается жизнью), но сейчас все чувствовали, что дань приличиям отдана и что пора переходить к своему нормальному состоянию. Мистер Энтвисл только поощрял такой переход. Он имел большой опыт проведения похорон и прекрасно чувствовал, когда должен произойти возврат к обыденной жизни.

После того как ланч был закончен, Лэнскомб пригласил всех пройти в библиотеку, где был накрыт кофе. В его представлении все необходимые деликатности на этом заканчивались. Наступило время заняться делом, а именно – завещанием. Старый дворецкий считал, что библиотека с ее книжными полками и тяжелыми красными бархатными шторами обладала необходимой для этого атмосферой. Он обслужил всех присутствовавших, а затем удалился, прикрыв за собой дверь.

После нескольких ничего не значащих фраз все стали поглядывать на мистера Энтвисла.

– Мне надо успеть на поезд в три тридцать дня, – начал он.

Как оказалось, всем остальным надо было успеть на этот же поезд.

– Как вы все знаете, – произнес старый юрист, – я душеприказчик Ричарда Эбернети.

– Я этого не знала! – радостно прервала его Кора Ланскене. – Неужели? А он мне что-нибудь оставил?

Уже не в первый раз Энтвисл заметил, что у Кору имеется неуместная привычка бесцеремонно вмешиваться в беседу. Поэтому он бросил на нее осуждающий взгляд и продолжил:

– Еще год назад завещание Ричарда Эбернети было очень простым. Помимо нескольких небольших сумм, он все оставлял своему сыну Мортимеру.

– Бедный Мортимер! – заметила миссис Ланскене. – Мне кажется, что этот полиомиелит *просто ужасен*.

– Смерть Мортимера, наступившая так быстро и неожиданно, оказалась для Ричарда сильным ударом, – говорил тем временем юрист. – Ему потребовалось несколько месяцев, чтобы от него оправиться. Я обратил его внимание на необходимость сделать новые распоряжения, касающиеся наследства.

– А что было бы, если б он не сделал нового завещания? – спросила Мод Эбернети своим глубоким голосом. – Все деньги что, перешли бы к Тимоти как к наследнику по прямой линии?

Мистер Энтвисл открыл было рот, чтобы объяснить тонкости наследования по прямой линии, однако потом передумал и сухо сказал:

– По моему совету Ричард решил написать новое завещание. Однако перед этим он решил лучше познакомиться с нашим молодым поколением.

– Он действительно оценивал нас, – внезапно рассмеялась Сюзан. – Сначала Джорджа, потом Грега и меня, а потом Розамунду и Майкла.

Тонкое лицо ее мужа Грегори Бэнкса покраснело, и он резко сказал:

– Мне кажется, что тебе не стоит так говорить, Сюзан. «Оценивал», скажешь тоже!

– Но ведь он делал именно это, не так ли, мистер Энтвисл? – повернулась к адвокату миссис Бэнкс.

– Он *мне* что-нибудь оставил? – повторила свой вопрос Кора.

Энтвисл закашлялся и довольно холодно произнес:

– Копии завешания будут разосланы всем вам. Если вы хотите, я могу сейчас зачитать его вам, но, боюсь, юридическая терминология будет для вас слишком сложной. Суть его состоит в следующем: после ряда небольших посмертных даров крупная сумма выделяется на приобретение ренты для Лэнскомба. Остальная же, основная, часть наследства – и часть очень значительная – делится на шесть равных частей. Четыре из них, после выплаты всех необходимых налогов, идут брату Ричарда Тимоти, его племяннику Джорджу Кроссфилду и его племянницам Сьюзан Бэнкс и Розамунде Шайн. Две оставшиеся части передаются в трастовое управление, и доходы от них пожизненно выплачиваются миссис Хелен Эбернети, вдове его брата Лео, и его сестре миссис Коре Ланскене. После смерти миссис Эбернети и миссис Ланскене капитал делится на четыре равные части и распределяется между оставшимися бенефициарами или их наследниками.

– Как это все мило! – Кора даже не пыталась скрыть своих чувств. – Надо же, доход! И сколько же?

– Я... э-э... затрудняюсь сейчас ответить на ваш вопрос. Налоги на наследство в настоящее время очень значительны...

– Ну хоть предположить-то вы можете?

Мистер Энтвисл понял, что вдове художника необходимо чем-то успокоить.

– Вероятно, где-то между тремя и четырьмя тысячами фунтов в год.

– Боже мой! – воскликнула Кора. – Я поеду на Капри.

– Как мило и щедро со стороны Ричарда, – тихо произнесла Хелен Эбернети. – Я высоко ценю его отношение ко мне.

– Вы ему очень нравились, – заметил мистер Энтвисл. – Лео был его любимым братом, а ваши визиты сюда после смерти Лео всегда очень высоко им ценились.

– Жаль, что я не поняла, насколько тяжело был болен Ричард, – с сожалением сказала Хелен. – Я ведь приезжала к нему незадолго до его смерти, но, хотя и знала, что он *болен*, не думала, что все это так серьезно.

– Болезнь действительно была тяжелой, – заверил ее адвокат, – но Ричард не хотел, чтобы об этом говорили, и я не думаю, чтобы кто-нибудь из нас ожидал настолько скорого конца. Я знаю, что доктор был очень удивлен этим обстоятельством.

– *«Скоростижно, в своем поместье»* – именно так написали газеты, – процитировала миссис Ланскене. – Я тогда еще сильно удивилась.

– Для всех нас это стало настоящим шоком, – сказала Мод Эбернети. – И невероятно расстроило бедняжку Тимоти. Он все повторял: «Так внезапно... Так *внезапно*...»

– Однако замаяли вы все это очень здорово, не так ли? – спросила Кора.

Все уставились на нее, и она слегка покраснела.

– Я думаю, что вы правы. Абсолютно правы... – торопливо заговорила женщина. – То есть я хочу сказать, что публичность в этом случае ничего никому не дала бы. Ведь для всех это так неудобно... за пределы семьи это ни в коем случае не должно было выйти.

На лицах людей, обернувшихся к ней, было написано полнейшее недоумение.

– Вы знаете, Кора, боюсь, что я вас совершенно не понимаю, – произнес, наклонившись к ней, мистер Энтвисл.

В глазах миссис Ланскене, которыми она осмотрела присутствовавших, было неприкрытое изумление. Птичьим движением наклонив голову к плечу, женщина спросила:

– Но ведь его же убили, нет?

Глава 3

I

Сидя в углу купе первого класса в поезде, направлявшемся в Лондон, мистер Энтвисл еще раз вернулся к этому невероятному заявлению Кору Ланскене. Естественно, она была очень неуравновешенной и удивительно глупой женщиной; кроме того, еще когда она была девочкой, за ней замечалась эта неудобная манера, в которой она ни с того ни с сего вдруг ляпала никому не нужную правду. Хотя как раз *правду* юрист не имел в виду – это было *совершенно* неправильное слово. Лучше сказать, *неудобные заявления*.

Мысленно пожилой адвокат еще раз вернулся к тому, что произошло непосредственно после этого высказывания. Взгляд множества глаз, которые смотрели на миссис Ланскене с удивлением и осуждением, заставил ее наконец понять всю чудовищность того, что она только что сказала.

– Но *послушай*, Кора!.. – воскликнула Мод.

– Моя дорогая тетушка... – произнес Джордж.

– Что вы имеете *в виду*? – слышался еще чей-то голос.

И Кора Ланскене, сконфуженная и раздавленная чудовищностью сказанного, разразилась быстрой тирадой:

– Простите меня... я совсем не хотела... Боже, как глупо с моей стороны! Но мне показалось, из того, что он сказал... Нет, я понимаю, что всё в порядке, но его смерть была такой *неожиданной*... прошу вас, забудьте, что я вообще что-нибудь сказала! – я знаю, что всегда говорю что-то не то.

После этого мгновенная неловкость исчезла и все занялись практическим обсуждением того, что делать с вещами недавно ушедшего Ричарда Эбернети. Мистер Энтвисл сообщил, что дом и его содержимое будут выставлены на продажу.

Неуместное замечание Кору было забыто. В конце концов, эта женщина всегда была если и не ненормальной, то невероятно наивной. Она никогда не задумывалась над тем, где и что следует говорить. Когда вам девятнадцать, это не имеет большого значения, и манеры *enfant terrible*¹ в этом возрасте уместны; но вот *enfant terrible* в возрасте пятидесяти лет – зрелище, без сомнения, приводящее в замешательство. Ляпать никому не нужную правду...

Неожиданно мысли мистера Энтвисла резко затормозили. Это неудобное слово приходило ему на ум уже во второй раз. Правда. А почему оно так его волновало? Потому что именно это слово всегда лежало в основе смятения, которое вызывали неожиданные высказывания Кору. Все это было из-за того, что ее наивные высказывания были или правдой, или в них содержалось нечто очень на нее похожее! Вот что так всех всегда смущало.

И хотя полная женщина сорока девяти лет мало напоминала мистеру Энтвислу неуклюжего подростка давно прошедших дней, манеры у Кору остались все те же: птичье движение головой, перед тем как произнести какую-нибудь очередную чудовищную фразу, и вид абсолютного самодовольствия после того, как фраза произнесена. Именно таким образом она однажды высказалась по поводу фигуры кухонной служанки:

– Молли с трудом подходит к кухонному столу, так торчит ее живот. Он стал таким за последнюю пару месяцев. Интересно, *почему* она так толстеет?

¹ Ужасный ребенок (*фр.*).

Коре немедленно приказали замолчать. Домашнее хозяйство Эбернети велось во вполне викторианском духе – на следующий день кухонная служанка исчезла из виду. А после короткого расследования второму садовнику было велено вернуть ей статус честной женщины, для чего ему был подарен небольшой коттедж.

Далекие воспоминания – но в них есть рациональное зерно...

Мистер Энтвисл решил более тщательно обдумать причины своего беспокойства. Что же было в странных словах Кору такого, что продолжает мучить его подсознание? Наконец он выделил две фразы: «Я подумала, из того, что он сказал» и «Его смерть была такой неожиданной...».

Сначала адвокат проанализировал последнюю фразу. Действительно, о смерти Ричарда можно было сказать, что она была внезапной. Мистер Энтвисл обсуждал состояние его здоровья и с самим Ричардом, и с его врачом. Доктор прямо сказал, что на долгую жизнь мистеру Эбернети рассчитывать не приходится. Если он будет за собой следить, то протянет еще года два или три; может быть – чуть дольше, но это маловероятно. В любом случае медик ожидал несчастья в ближайшем будущем.

Что же – доктор ошибся, но врачи сами всегда признавали, что не могут точно предсказать реакцию пациента на заболевание. Бывает, что больные, от которых все отказались, внезапно выздоравливают, а те, кто уже стоит на пути к выздоровлению, вдруг умирают. Слишком многое зависит, помимо всего прочего, от желания пациента бороться. От его внутреннего желания жить. А Ричард Эбернети, будучи сильным и здоровым мужчиной, не имел этого желания.

За шесть месяцев до его смерти его единственный оставшийся в живых сын, Мортимер, заразился полиомиелитом и сгорел за неделю. Его смерть была настоящим шоком, в значительной степени усиленным тем фактом, что молодой человек сам по себе был сильным и жизнелюбивым человеком. Любитель спорта, он и сам был настоящим атлетом и относился к тем людям, о которых обычно говорят, что они в жизни не болели ни одного дня. Он вот-вот должен был обручиться с очаровательной девушкой, и все мысли Ричарда о будущем были связаны с этим его обожаемым и очень достойным сыном. Но вместо этого случилась трагедия...

Теперь, помимо личной потери, в будущем у Ричарда не осталось ничего, что могло бы поддержать его интерес к жизни. Один из его сыновей умер в младенчестве, а второй – не оставив потомства. У Ричарда Эбернети не было внуков – он был последним носителем имени, при этом обладал большим состоянием и имел обширные деловые интересы, которые все еще до некоторой степени контролировал. И кто же унаследует это его состояние и его деловые интересы?

Энтвисл знал, что все это сильно беспокоило Ричарда. Его единственный живой брат был почти инвалидом. Оставалось только молодое поколение. Адвокат думал, хотя его друг и не делился с ним этими своими мыслями, что Ричард хочет выбрать себе настоящего наследника, хотя он и не собирался отказываться от завещания каких-то небольших сумм остальным членам семьи. Так это или нет, но юрист знал, что за последние шесть месяцев Эбернети по очереди приглашал к себе погостить племянника Джорджа, племянницу Сьюзан и племянницу Розамунду с их мужьями. Кроме того, у него также гостила его свояченица миссис Лео Эбернети. Именно среди первых трех, так полагал адвокат, Ричард и искал своего наследника. Хелен Эбернети была приглашена из личной симпатии, а может быть, и в качестве советчицы, потому что Ричард всегда был высокого мнения о ее здравом уме и практической сметке. Мистер Энтвисл вспомнил также, что за последние шесть месяцев его друг несколько раз посещал своего брата Тимоти.

Результатом всей этой активности было завещание, которое теперь лежало в портфеле адвоката. Равное разделение имущества между всеми наследниками. Единственным выводом,

который напрашивался сам собой, было то, что Ричард разочаровался как в племяннике, так и в племянницах, или, скорее, в их мужьях.

Насколько знал мистер Энтвисл, Ричард Эбернети не приглашал к себе в гости сестру, Кору Ланскене, – и это возвращало адвоката к первой тревожащей его фразе, которую она невнятно произнесла: «...но мне показалось, из того, что он сказал...»

А что сказал Ричард Эбернети? И когда он это сказал? Если Кора не посещала Эндерби, то Ричард должен был навестить ее в той полубогемной деревне в Беркшире, где у нее был коттедж. Или она имела в виду какую-то фразу из его письма?

Мистер Энтвисл нахмурился. Кора, без сомнения, была полной идиоткой, и она легко могла не так понять сказанное, полностью исказив его значение. И тем не менее его интересовало, что же это могла быть за фраза...

Он был настолько взволнован, что даже подумал о том, чтобы обратиться с этим вопросом прямо к миссис Ланскене. Правда, не сразу. Лучше не показывать ей, что он считает это чем-то важным. Однако адвокат хотел бы когда-нибудь выяснить, что из сказанного Ричардом Эбернети заставило женщину задать этот совершенно идиотский вопрос:

«Но ведь его же убили, нет?»

II

– Твоя тетушка, должно быть, полная дубина, – сказал своей жене Грегори Бэнкс в вагоне третьего класса того же самого поезда.

– Ты имеешь в виду тетушку Кору? – неопределенно поинтересовалась Сьюзан. – Это ты прав. Мне она всегда казалась несколько простоватой, если не сказать больше.

– Ей действительно надо запретить разносить подобные сплетни, – резко сказал Джордж Кроссфилд, сидевший напротив них. – Это может вызвать нездоровый интерес у других.

– Не думаю, чтобы кто-то стал обращать внимание на то, что говорит подобная мымра. – Розамунда Шайн была занята тем, что старалась подчеркнуть помадой линию губ, которую она называла «лук Амура», и поэтому говорила не слишком членораздельно. – Совершенно непонятная одежда и эти блестящие черные гирлянды...

– И тем не менее этому надо положить конец, – настаивал Джордж.

– Ну конечно, дорогой, – рассмеялась миссис Шайн, убирая помаду и с удовлетворением рассматривая свое изображение в зеркальце. – Положи этому конец.

– Думаю, что Джордж прав, – неожиданно произнес ее муж. – Людям не надо многого, чтобы начать говорить.

– А какое это будет иметь значение? – задала Розамунда вполне ожидаемый вопрос, при этом кончики «лука Амура» приподнялись в улыбке. – Мне кажется, что это, наоборот, будет весело.

– Весело? – произнесли сразу четыре голоса.

– Ну, убийство в семье, – сказала миссис Шайн. – Это так будоражит!

Несчастному и нервному молодому человеку по имени Грегори Бэнкс пришло в голову, что кухня, если отбросить ее красивую внешность, была немного похожа на свою тетю Кору. Ее следующие слова только убедили его в этом.

– Если его убили, – продолжила Розамунда, – то кто, по вашему мнению, это сделал? – И она задумчиво окинула взглядом купе. – Ведь его смерть была очень удобна всем нам. – Голос ее звучал мечтательно. – Мы с Майклом уже дошли до ручки. Мику предложили отличную роль в шоу Сэндбурна, но ее надо дождаться. Так что сейчас мы будем в полном шоколаде. Мы даже сможем, если захотим, оплатить нашу собственную постановку. Кстати, здесь есть одна пьеса с просто потрясающей ролью...

Никто не стал выслушивать рассуждения Розамунды. Все задумались о своем собственном ближайшем будущем.

«А ведь дно было совсем рядом, – подумал про себя Джордж. – Теперь же я смогу вернуть эти деньги, и никто ничего не заметит... Еле-еле пронесло».

Откинувшись на спинку сиденья, он закрыл глаза. Кабалы все-таки удалось избежать.

– Мне, естественно, очень жаль дядюшку Ричарда, – сказала Сьюзан своим чистым и жестким голосом, – но ведь он был *очень* стареньким, а потом эта смерть Мортимера, – и вот ему уже не осталось ничего, ради чего можно было бы жить. И потом, было бы ужасно, если б оставшиеся годы он провел, будучи инвалидом. Гораздо лучше умереть неожиданно, без лишнего шума, как сейчас.

Ее твердый взгляд, выражавший уверенность, смягчился, когда она взглянула на сосредоточенное лицо своего мужа. Сьюзан обожала его. Где-то подспудно она ощущала, что ее чувства к Грегу гораздо сильнее, чем его к ней. Но это только усиливало ее страсть. Грег принадлежал ей, и ради него она была готова на все. На все на свете.

III

Переодеваясь к обеду в Эндерби-холле (она решила остаться на ночь), Мод Эбернети раздумывала, не стоило ли ей остаться на более длительный срок, чтобы помочь Хелен с разборкой вещей и очисткой дома. Все эти личные вещи Ричарда... А может быть, и его письма... Но ведь все важные бумаги должны быть уже у мистера Энтвисла, да и к Тимоти надо возвращаться как можно скорее. Он так раздражался, когда ее не было рядом, чтобы присмотреть за ним! Мод надеялась, что завещание ему понравится и что он не расстроится. Она знала, ее муж ожидал, что Ричард завещает основную часть своего состояния именно *ему*. В конце концов, он ведь был единственным из оставшихся в живых Эбернети! Ричард вполне мог доверить *ему* контроль за растущим поколением. Да, скорее всего, Тимоти будет *недоволен* завещанием, подумала она, а волнения плохо влияли на его пищеварение. И потом, когда он раздражался, Тимоти становился совершенно невыносимым. Были моменты, когда он, казалось, совершенно терял чувство меры...

Может быть, стоит обсудить это с доктором Бартоном? Эти снотворные пилюли... Тимоти в последнее время слишком пристрастился к ним – и так рассердился в последний раз, когда она попыталась отобрать у него бутылочку с ними! Но ведь они могут быть опасными – так говорил сам доктор Бартон; они могут вызвать сонливость, и человек может просто забыть, что уже принимал их, и принять еще. А там уже может случиться все, что угодно! Конечно, в бутылочке их не так уж и много... Тимоти был сущим непослушным ребенком во всем, что касалось лекарств. Он ее совершенно не слушает... Как же с ним бывает тяжело!

Мод Эбернети вздохнула, а потом ее лицо просветлело. Теперь им будет значительно легче. Взять хотя бы сад...

IV

Хелен Эбернети сидела перед камином в Зеленой гостиной в ожидании Мод.

Она оглянулась вокруг, вспоминая те времена, когда здесь были и они с Лео, и все остальные. Это был счастливый дом. Но такому дому нужны *люди*. Ему нужны дети, и слуги, и званые обеды, и огонь, ревущий в каминах зимними вечерами. А когда в нем жил всего один старик, потерявший своего последнего сына, в доме поселилась грусть.

Интересно, кто же его купит? Превратят ли его в гостиницу, или он будет принадлежать какой-нибудь организации, или станет одним из общежитий для молодых людей? Именно это происходит в наши дни с большими домами. Никто не покупает их для жилья. Скорее всего,

его разрушат и на его месте построят что-то новое. Хелен было грустно об этом думать, но она решительно отбросила всякую грусть. Эти мысли о прошлом не принесут ничего хорошего. Этот дом, и счастливые дни, проведенные в нем, и Ричард с Лео – все это было здорово, но давно прошло. А теперь у нее есть свои интересы. Теперь, со всеми деньгами, которые Ричард ей оставил, она сможет сохранить виллу на Кипре и исполнить все свои намерения.

Как она беспокоилась в последнее время о деньгах – эти налоги, эти неудачные инвестиции... Теперь благодаря Ричарду все закончилось.

Бедняга Ричард! Умереть во сне, как умер он, это поистине дар богов... «Внезапно 22-го» – женщина подумала, что именно эта часть некролога заставила Кору подумать об убийстве. Эта дамочка действительно была пределом всему! И всегда была такой. Хелен вспомнила, как однажды встретила ее за границей, вскоре после того, как Кора вышла замуж за Пьера Ланскене. В тот день у нее был особенно глупый и бессмысленный вид – она вертела головой в разные стороны и делала какие-то заявления о картинах, особенно о картинах своего мужа, что явно не доставляло тому никакого удовольствия. Ни одному мужчине не понравится, когда его жена выставляет себя такой идиоткой. А Кора была именно идиоткой! Конечно, это не ее вина, а вот ее муж обращался с ней не совсем порядочно.

Хелен рассеянно посмотрела на букет восковых цветов, стоявший на круглом малахитовом столике. Миссис Ланскене сидела рядом с ним, когда они все ждали в этой комнате времени отправиться в церковь. Она была полна воспоминаний и восторга от узнавания каких-то вещей, о которых у нее остались детские воспоминания. Было видно: она настолько обрадовалась возвращению в родовое гнездо, что совершенно забыла о причине, которая ее сюда привела.

А может быть, подумала Хелен, она просто притворялась меньше, чем остальные...

Кора всегда была против любых условностей. Только подумать, как она задала этот вопрос: «Но ведь его же убили, нет?»

И все эти лица вокруг – круглые глаза, удивленные, шокированные, уставившиеся на нее...

Сейчас, когда все это ясно стояло у нее перед глазами, Хелен нахмурилась. Что-то с этой картиной было не так.

Что-то или кто-то?

Было ли это выражение на чьем-то лице? Выражение? Что-то, чего – как бы это сказать поточнее – не должно было быть?

Она никак не могла ухватиться за эту мысль, но что-то где-то было *не так*...

V

А в это же самое время в буфете Суиндона женщина в легком трауре и черных блестящих гирляндах пила чай, наслаждалась сдобными булочками с изюмом и размышляла о будущем. Ее не мучило никакое предчувствие опасности – она была просто счастлива.

Это путешествие через всю страну действительно изматывает. Проще было вернуться в Личетт-Сент-Мэри через Лондон – да и деньги практически те же. Правда, теперь деньги не имеют значения. Но в этом случае пришлось бы ехать с другими членами семьи и, не исключено, всю дорогу вести какие-то беседы. Слишком тяжело.

Нет, лучше воспользоваться пригородными поездами. Эти булочки с изюмом просто великолепны. Просто удивительно, как можно проголодаться на похоронах! Суп в Эндерби-холле был восхитителен, так же как и холодное суфле...

Какие же люди все-таки чопорные и какие они притворщики! Все эти лица, когда она сказала об убийстве... Как они все на нее смотрели!

В любом случае она поступила правильно. Кора кивнула, как бы оправдывая себя. Да, именно так она и должна была поступить.

Потом женщина взглянула на часы. До отправления ее поезда осталось пять минут. Она допила чай. А вот чай не очень хороший. Женщина состроила гримасу.

На пару мгновений она отдалась мечтам, и будущее стало разворачиваться перед ней... Миссис Ланскене расцвела в улыбке счастливого ребенка. Наконец-то она сможет получать удовольствие от жизни!

И она направилась к пригородному поезду, на ходу обдумывая свои планы на будущее.

Глава 4

I

Мистер Энтвисл провел очень беспокойную ночь. Наутро он чувствовал себя таким разбитым и уставшим, что решил вообще не вставать.

Его сестра, которая вела хозяйство у него в доме, принесла ему на подносе завтрак и резко отчитала за решение поехать на север Англии в его возрасте и с его здоровьем.

Оправдался Энтвисл тем, что заявил, что Ричард Эбернети был его старинным другом.

– Похороны! – с неодобрением сказала его сестра. – Похороны просто смертельны для мужчин твоего возраста! И если ты не будешь серьезно беречь себя, то умрешь так же внезапно, как твой драгоценный мистер Эбернети.

Слово «внезапно» заставило мистера Энтвисла сначала вздрогнуть, а потом замолчать. Спорить он не стал.

Он-то хорошо понимал, что заставило его так среагировать на слово «внезапно».

Кора Ланскене! То, о чем она говорила, было совершенно невероятно, однако юристу хотелось бы узнать, что заставило ее говорить об этом. Да, он лично отправится в Личетт-Сент-Мэри и встретится с ней. Придумает какое-нибудь объяснение вроде требования нотариуса. Что тому якобы нужен оригинал ее подписи. Не стоит давать ей понять, что он так серьезно отнесся к ее глупым словам. Но он точно отправится, и очень скоро, на встречу с ней.

Адвокат доел свой завтрак, откинулся на подушках и занялся чтением «Таймс». Он находил эту газету очень успокаивающей.

Вечером того же дня, где-то без четверти шесть, раздался звонок телефона. Юрист снял трубку и услышал голос мистера Джеймса Пэррота, который являлся вторым партнером компании «Боллард, Энтвисл, Энтвисл и Боллард».

– Послушайте, Энтвисл, – сказал мистер Пэррот, – мне только что звонила полиция из местечка, которое называется Личетт-Сент-Мэри.

– Личетт-Сент-Мэри?

– Да. Создается впечатление... – начал рассказывать Джеймс и сделал паузу. Было видно, что он сбит с толку. – В общем, это касается некоей миссис Кору Ланскене. Не она ли была одной из наследниц Эбернети?

– Ну конечно, это она. Я видел ее вчера на похоронах.

– Так она была на похоронах, я правильно понял?

– Да, а что с ней произошло?

– Знаете, – у Пэррота был извиняющийся тон, – дело в том – это, конечно, совершенно невероятно, – но она... ее *убили*.

Последние слова звонивший произнес с гневным порицанием. Этим своим тоном он намекал, что подобные слова совершенно неуместны в связи с компанией «Боллард, Энтвисл, Энтвисл и Боллард».

– Убили?

– Да. Боюсь, что это именно так. То есть я хотел сказать, что в этом нет никаких сомнений.

– А как полиция вышла на нас?

– Ее компаньонка, или домоправительница, или кто она там еще – мисс Гилкрис. Полиция спросила у нее об имени какого-нибудь родственника или стряпчего убитой, а так как мисс Гилкрис сомневалась насчет родственников и их адресов, она назвала им наш адрес. Вот так они на нас и вышли.

– А почему полиция считает, что ее убили? – задал мистер Энтвисл следующий вопрос. И опять в тоне мистера Пэррота послышались извиняющиеся нотки.

– Понимаете, судя по всему, здесь не может быть никаких сомнений – преступник использовал топор или что-то в этом роде. Очень кровавое преступление.

– Ограбление?

– Похоже на то. Окно было разбито, а по комнате разбросаны всякие побрякушки. Ящики тоже все выдвинуты, но полиция считает, что все это выглядит как-то... не по-настоящему, что ли.

– И когда это произошло?

– Сегодня, между двумя и половиной пятого пополудни.

– А где в это время была компаньонка?

– Меняла книги в библиотеке в Рединге. Она вернулась в пять часов и обнаружила миссис Ланскене мертвой. Полиция интересуется, не знаем ли мы, кто мог напасть на беднягу. Я ответил, – голос Джеймса дрожал от возмущения, – что считаю подобное происшествие совершенно невероятным.

– Вы абсолютно правы.

– Скорее всего, это *был* какой-нибудь местный полоумный придурок – который сначала решил, что у нее есть чем поживиться, а потом потерял над собой контроль и напал на женщину. Скорее всего, именно так, как вы считаете, мистер Энтвисл?

– Похоже, похоже, – машинально ответил адвокат.

Пэррот прав, сказал себе Энтвисл, все произошло так, как он и говорит.

И в этот момент он опять услышал голос Кору, беспечно произносящий:

«Но ведь его же убили, нет?»

Глупая Кора. Всегда была такой. Всегда лезла туда, где и ангелу-то страшно ступить...

Резала правду-матку прямо в глаза. *Правду!*

Опять это проклятое слово...

II

Мистер Энтвисл и инспектор Мортон оценивающе рассматривали друг друга.

В своей всегдашней аккуратной и точной манере Энтвисл поведал полицейскому все важные факты, касавшиеся Кору Ланскене. Воспитание, свадьба, вдовство, финансовое положение, родственники...

– Мистер Тимоти Эбернети – ее единственный оставшийся в живых брат и ближайший родственник, но он почти инвалид и ведет весьма уединенный образ жизни. Своего дома он практически не покидает и поэтому уполномочил действовать меня как своего представителя и организовать все, что необходимо.

Инспектор кивнул. Ему было приятно, что придется иметь дело с этим ушлым пожилым адвокатом, более того, он надеялся, что тот сможет оказать ему какое-то содействие в раскрытии этого дела, которое выглядело все более и более запутанным.

– Со слов мисс Гилкрист, – сказал он, – я понял, что за день до своей смерти миссис Ланскене ездила на север для участия в похоронах своего старшего брата?

– Именно так, инспектор. Я сам там присутствовал.

– А в ее поведении не было ничего необычного – странного или тревожного?

Мистер Энтвисл приподнял брови, мастерски симулируя удивление:

– А что, в поведении человека, которого вот-вот убьют, обычно появляется что-то необычное?

Мортон с сожалением улыбнулся:

– Поверьте мне, я не думаю, что она была «прорицательницей» и у нее были какие-то предчувствия. Нет, я просто пытаюсь нащупать что-то... я бы сказал, что-то, выходящее за рамки обычного.

– Боюсь, что я не совсем понимаю вас, инспектор, – ответил юрист.

– Это не такой уж простой случай, сэр. Давайте представим, что некто ожидает около дома, пока мисс Гилкрест выйдет из него около двух часов дня и отправится в деревню на автобусную остановку. Потом этот некто намеренно берет топор-дровокол, лежащий в дровяном сарае, разбивает им кухонное окно, влезает в дом, поднимается на второй этаж и нападает на миссис Ланскене. Причем нападает с особой жестокостью – наносит ей не то шесть, не то восемь ударов. – Мистер Энтвисл невольно вздрогнул. – Вот именно – преступление само по себе очень кровавое. После чего этот некто выдвигает несколько ящиков, хватает несколько безделушек стоимостью не более десяти шиллингов и исчезает.

– Она была в кровати?

– Да. Накануне она очень поздно вернулась с севера, была измучена физически и сильно возбуждена морально. Как я понимаю, она получила какое-то наследство?

– Да.

– Она плохо спала и проснулась с ужасной головной болью. Выпила несколько чашек чая, приняла лекарство от головы, а потом попросила мисс Гилкрест не беспокоить ее до второго завтрака. Однако лучше она себя не почувствовала и решила принять снотворное. Потом послала мисс Гилкрест в Рединг, чтобы та поменяла для нее книги в библиотеке. Она уже засыпала или даже крепко спала, когда ворвался этот некто. Он мог взять все, что ему было нужно, просто пригрозив ей или, на худой конец, связав. Топор, принесенный с собой, – это в данном случае, на мой взгляд, немного через край.

– Возможно, убийца планировал пригрозить им убитой, – предположил адвокат. – А если б она стала сопротивляться, то...

– Согласно заключению врача, нет никаких признаков сопротивления. Все говорит о том, что она спокойно спала на боку, когда на нее напали.

Мистер Энтвисл заерзал в кресле.

– Иногда приходится слышать и о таких жестоких и бессмысленных преступлениях, – заметил он.

– Да, да. Вполне возможно, что так все и окажется. Естественно, мы разослали информацию, касающуюся всех подозрительных личностей. Мы абсолютно уверены, что это дело не местных. Мы знаем, где все они находились в момент убийства. В это время суток большинство людей находится на работе. Согласен, что ее коттедж расположен в конце тропинки, за пределами самой деревни, и любой может войти в него незамеченным. Вокруг деревни целый лабиринт различных тропинок. Утро выдалось прекрасным, дождя не было уже несколько дней, поэтому никаких четких следов автомобиля обнаружить не удалось – это на тот случай, если убийца подъехал на машине.

– А вы полагаете, что кто-то мог подъехать на машине? – резко спросил мистер Энтвисл.

– Не знаю, – пожал плечами инспектор. – Я просто хочу сказать, что случай необычный. Взгляните вот на это, например... – И он выложил на стол несколько предметов: брошь с маленькими жемчужинами в форме трилистника, брошь с аметистами, небольшую нитку жемчуга и гранатовый браслет. – Эти вещи были взяты из коробки для драгоценностей убитой, а нашли их в кустах, недалеко от дома.

– Вы правы, это действительно любопытно. Но, может быть, ее убийца испугался того, что совершил...

– Могло быть и так. Хотя в этом случае он, скорее всего, оставил бы вещи в комнате. Правда, паника могла охватить его и на пути от спальни к воротам...

– Или, – тихо произнес Энтвисл, – их, как вы и сказали, взяли для того, чтобы отвести глаза.

– Да, вариантов здесь масса... И эта Гилкрисст тоже могла совершить убийство. Две женщины, живущие вместе в одиночестве... кто знает, какие ссоры, или страсти, или непонимание возникали между ними? Хотя, судя по свидетельствам других, они жили довольно дружно. – Полицейский на секунду замолчал, а затем продолжил: – Так вы говорите, что от убийства миссис Ланскене никто ничего не выигрывает?

– Именно этого я не говорил, – заявил адвокат и пошевелился в кресле.

Инспектор Мортон проницательно взглянул на него:

– А мне показалось, вы сказали, что единственным источником дохода убитой было ежемесячное пособие, которое ей выплачивал ее брат, и что, насколько вы знаете, у нее не было ни собственной недвижимости, ни денег.

– Именно так. Ее муж умер банкротом, а то, что я сам знаю о ней с того момента, как она была еще девочкой, говорит о том, что она была не в состоянии самостоятельно скопить или заработать какие-то деньги.

– Этот коттедж она снимала, а мебель не стоит того, чтобы о ней упоминали даже в нынешние времена. Несколько поддельных образчиков «деревенского стиля» и какие-то грубо намалеванные картины. Тот, кто все это получит, много не заработает – то есть если она вообще оставила завещание.

– О ее завещании мне ничего не известно, – покачал головой адвокат. – Понимаете, я не видел ее уже много лет.

– Тогда что же вы имели в виду? Ведь о чем-то вы думали, когда говорили это?

– Ну да, конечно, думал. Я просто хочу быть предельно точным.

– Вы что, имели в виду то наследство, о котором упомянули? То, которое ей оставил ее брат? У нее было право распоряжаться им в своем завещании?

– Нет, не в том смысле, о котором вы думаете. Она не могла распоряжаться самим капиталом. Теперь, когда она умерла, он будет разделен между пятью оставшимися наследниками Ричарда Эбернети. И именно это я имел в виду. Все пятеро автоматически становятся богаче с ее смертью.

На лице инспектора было написано разочарование.

– А я-то думал, что мы напали на след! В этом случае ни у кого действительно не было никакого мотива, чтобы прийти и разделить ее этим топором. Теперь это скорее выглядит так, как будто убийцей был какой-то псих, возможно, один из местных молодых преступников – ими сейчас полна вся округа. А после убийства нервы у него сдали, он выбросил эту мишуру и сбежал... Скорее всего, так оно и было. Если, конечно, в этом не замешана глубокоуважаемая мисс Гилкрисст, хотя это кажется мне маловероятным.

– А когда она обнаружила тело?

– Не раньше пяти часов. Из Рединга она вернулась автобусом в четыре пятьдесят. Вернувшись в дом, вошла через переднюю дверь и двинулась на кухню, чтобы поставить чайник. Из комнаты миссис Ланскене не доносилось ни звука, и мисс Гилкрисст решила, что та еще спит. Потом она заметила разбитое окно в кухне – весь пол был засыпан осколками стекла. Но даже тогда мисс Гилкрисст в первую очередь подумала, что окно разбили дети – мячом или из рогатки. Она поднялась наверх и осторожно заглянула в комнату убитой, чтобы узнать, спит ли она или, возможно, хочет чаю. И уже после этого дала выход эмоциям, закричала и бросилась по тропинке к ближайшим соседям. Ее рассказ весьма логичен: ни в ванной, ни в ее комнате, ни на ее одежде не обнаружено никаких следов крови. Нет, не думаю, что мисс Гилкрисст как-то во всем этом замешана. Доктор прибыл в половине шестого. Он считает, что убийство произошло не позже четырех тридцати, хотя, скорее всего, это случилось после двух. То есть все выглядит так, как будто этот некто ждал возле дома, пока мисс Гилкрисст не уйдет из коттеджа.

Адвокат слегка поморщился.

– Скорее всего, вы захотите поговорить с мисс Гилкрест? – спросил его Мортон.

– Да, думаю, это будет полезно.

– Что ж, хорошо. Мне кажется, что она уже рассказала нам все, что ей известно, но – кто знает... Иногда в ходе беседы могут вспомниться какие-то подробности. Гилкрест, конечно, старая дева, но в то же время вполне адекватная и практичная женщина – она действительно здорово нам помогла.

После короткой паузы инспектор добавил:

– Тело в морге. Если вы захотите с ним...

Мистер Энтвисл кивнул, но было видно, что это предложение не вызвало у него никакого энтузиазма.

Через несколько минут он стоял, глядя на останки Кора Ланскене. Нападение было действительно беспощадным, и ее выкрашенная хной челка была растрепана и покрыта спекшейся кровью. Юрист сжал губы и отвернулся, с трудом подавив тошноту.

Бедная малышка Кора! Как она была счастлива позавчера, когда узнала, что ее брат оставил ей деньги. Как многого, должно быть, ожидала от будущего. Какую массу глупостей она могла натворить с этими деньгами – и натворить с удовольствием...

Бедная Кора. Какими недолговечными оказались эти мечты...

От ее смерти никто ничего не выиграл – даже этот жестокий убийца, который, убегая, выбросил свою добычу. Пятеро получили еще какую-то прибавку к своему капиталу, но и того, что они получили по завещанию, было для них более чем достаточно. Конечно, у них не было никакого мотива.

Странно, что Кора думала о смерти ровно за день до того, как ее саму убили.

«Но ведь его же убили, нет?»

Такая нелепая фраза... Нелепая. Абсолютно нелепая! Слишком нелепая, чтобы рассказывать о ней инспектору Мортону.

Конечно, после того, как он встретится с мисс Гилкрест...

Предположим, хотя это и маловероятно, что эта женщина может внести ясность в то, что Ричард сказал Коре.

«Мне показалось, из того, что он сказал...» А что же именно сказал Ричард?

«Мне нужно как можно скорее увидеть мисс Гилкрест», – сказал мистер Энтвисл сам себе.

III

Мисс Гилкрест была худой выцветшей женщиной с короткими седыми волосами. У нее было одно из тех неопределенных выражений лица, которые появляются у многих женщин после пятидесяти.

Она тепло поздоровалась со старым адвокатом:

– Я так рада, что вы пришли, мистер Энтвисл! Я знаю о семье миссис Ланскене *всего ничего* и, естественно, никогда, никогда не имела дела с *убийством*. Это просто ужасно!

Энтвисл был убежден, что в прошлом мисс Гилкрест никогда не имела дела с убийством. Более того, ее реакция на убийство очень напоминала реакцию его партнера.

– Конечно, о них иногда *читаешь* в газетах, – продолжила женщина, сразу же отведя убийствам положенное им место, – но и *читать* о них я не люблю. Слишком уж все это *омерзительно*.

Вслед за ней мистер Энтвисл прошел в гостиную и внимательно огляделся. В комнате стоял стойкий запах красок. Коттедж был переполнен, но не мебелью, которая, как и сказал инспектор, не стоила доброго слова, а картинами. Стены были сплошь увешаны картинами,

в большинстве своем темными и аляповатыми пейзажами, выполненными маслом. Однако встречались и акварели, и даже один или два натюрморты. Картины меньших размеров заполняли все подоконники.

– Миссис Ланскене обычно покупала их на уличных распродажах, – пояснила мисс Гилкрист. – Для нее, бедняжки, это было настоящее развлечение. Она посещала все вернисажи в окрестностях – в наше время картины почти ничего не стоят. Она никогда не заплатила ни за одну из них больше фунта, а чаще всего ограничивалась несколькими шиллингами. Бедняжка всегда говорила, что существует волшебный шанс наткнуться на что-то действительно стоящее. Вот об этих она говорила, что это могут быть итальянские примитивисты, которые стоят уйму денег.

Юрист с сомнением посмотрел на итальянских примитивистов, на которых указывала ему женщина, и понял, что Кора никогда не разбиралась в живописи. Он готов был съесть свою шляпу, если хоть что-то из этой мазни можно продать хотя бы за пять фунтов!

– Конечно, – сказала мисс Гилкрист, заметив выражение его лица и мгновенно догадавшись о его реакции, – сама я в этом не очень разбираюсь, хотя мой отец и был художником – правда, боюсь, не слишком успешным. Но девочкой я сама рисовала акварели, и в доме все время говорили об искусстве, поэтому миссис Ланскене было приятно поговорить на эту тему с человеком, который хоть что-то в нем понимает. Бедняжка, она так любила все, что имело отношение к искусству...

– Вам она нравилась?

Глупый вопрос, заметил про себя адвокат. Разве может компаньонка убитой ответить «нет»? Хотя Кора, скорее всего, была далеко не подарок.

– Да, очень, – ответила мисс Гилкрист. – Мы *прекрасно* ладили. Вы же знаете, что в некоторых вопросах миссис Ланскене была совершеннейшее дитя. Вечно говорила все, что думала. Я совершенно не уверена, что все ее *суждения* были правильными... однако о мертвых нельзя...

– Она была очень глупой женщиной, – произнес юрист, – и уж совсем не интеллектуалкой.

– Да-да, наверное, вы правы. Но она была очень проницательной, мистер Энтвисл. Просто очень. Иногда меня удивляло, как она умеет перейти к самой сути вопроса.

Адвокат с интересом посмотрел на собеседницу. «Вот тебя-то глупой никак не назовешь!» – подумал он.

– Насколько я понимаю, вы живете с миссис Ланскене уже несколько лет? – спросил он вслух.

– Три с половиной года.

– Вы... э-э-э... были ее компаньонкой или... э-э-э... следили за домом?

Было видно, что для мисс Гилкрист это деликатная тема. Она слегка покраснела.

– Ах да, ну конечно! Я готовила – мне *очень* нравится готовить, – вытирала пыль и делала по дому легкую работу. Естественно, ни в коем случае не *тяжелую*.

По тону женщины было видно, что это ее твердый принцип. Мистер Энтвисл, который понятия не имел, что значит «тяжелая работа», пробормотал что-то успокаивающее.

– Для этого к нам приходила миссис Пэнтер из деревни, – добавила его собеседница. – Регулярно, два раза в неделю. Понимаете, мистер Энтвисл, я бы никогда в жизни не согласилась на положение *прислуги*. Когда прогорела моя маленькая чайная... Такое горе! Война, знаете ли, а место было просто восхитительное. Я назвала ее «Плакучая ива», и весь фарфор в ней был с голубым изображением ивы, так мило... И в ней была очень хорошая выпечка – я прекрасно пеку. Так вот, дела шли просто прекрасно, а потом началась война и продукты стало трудно добывать, и я разорилась – я называю это *военными потерями* и стараюсь так об этом и думать. Я потеряла все те небольшие деньги, которые мне оставил мой отец и которые я в нее вложила, и мне пришлось искать себе другое занятие. Меня никогда ничему не учили, поэтому

я нанялась к одной леди, но безуспешно – она была очень грубой и любила командовать. Потом я попробовала работать в конторе, но мне это совсем не понравилось, а уже потом я встрети-лась с миссис Ланскене, и мы с первого взгляда подошли друг другу – у нее был муж-художник и все такое... – Мисс Гилкрест замолчала, слегка задохнувшись, а потом грустно добавила: – Но как же я любила свою милую, милую чайную! В нее приходили такие *приятные* люди!

Внезапно на мистера Энтвисла снизошло просветление – в лице этой женщины он увидел обобщенный портрет сотен женщин, которые прислуживали ему во всех этих «Рыжих кош-ках», «Голубых попугаях», «Плакучих ивах», «Уютных уголках» и «Благородных лаврах», все скромно одетые в голубые, розовые или оранжевые передники и принимающие заказы на чай и пирожные. Недостижимой мечтой мисс Гилкрест была чайная в стиле прошлого века с подхо-дящей, благовоспитанной клиентурой. Таких мисс Гилкрест, подумал адвокат, по всей стране должны быть сотни и тысячи, похожих друг на друга как две капли воды, со спокойными, тер-пеливыми лицами, с упрямой верхней губой и слегка вьющимися седыми волосами.

Мисс Гилкрест меж тем продолжала:

– Но что это я все о себе да о себе! Полиция вела себя безукоризненно. Абсолютно без-укоризненно. Из штаб-квартиры приехал этот инспектор Мортон, и он *все* устроил. Даже дого-ворился, чтобы я смогла переночевать у миссис Лейк, дальше по дорожке, но тут я сказала: «Нет». Мне показалось, что это моя обязанность – остаться в этом доме на ночь, со всеми этими милыми вещами, которые принадлежали миссис Ланскене. Они забрали... забрали... – женщина судорожно сглотнула, – тело и заперли ее комнату, и инспектор предупредил меня, что в доме всю ночь будет дежурить констебль – из-за разбитого окна в кухне; его вставили только сегодня утром. И я хочу сказать... о чем, бишь, я? Ах да, я ему сказала, что со мной *все* будет в порядке в моей комнатке, хотя, должна признаться, что *придвинула* комод к двери и поставила большой кувшин с водой на подоконник. Никогда ничего не знаешь наперед – а вдруг это был маньяк? О таких вещах тоже часто пишут...

Здесь красноречие мисс Гилкрест истошилось, и мистер Энтвисл быстро вмешался в разговор:

– Мне известны все основные подробности происшедшего. Инспектор Мортон ознако-мил меня с ними. Однако, если вас это не слишком затруднит, не могли бы вы описать все своими словами?

– Ну конечно, мистер Энтвисл! Как *хорошо* я вас понимаю! В полицейском изложении все выглядит таким обезличенным, не правда ли? И это, конечно, не удивительно.

– Миссис Ланскене вернулась с похорон позавчера вечером, – напомнил ей адвокат.

– Да, ее поезд пришел очень поздно. Я заказала ей такси на встречу, как она и велела. Бедняжка, она была совершенно измучена, что совсем не удивительно, однако настроение у нее было очень бодрое.

– Понятно, понятно... А она говорила что-нибудь о самих похоронах?

– Совсем немного. Я дала ей чашку горячего молока – больше она ничего не захотела, – и миссис Ланскене рассказала, что церковь, в которой было очень много цветов, была почти полна. Ах да! Еще она сказала, что очень жалеет, что так и не увидела своего второго брата – кажется, Тимоти?

– Да, Тимоти.

– Она сказала, что видела его последний раз двадцать лет назад и надеялась, что он будет на похоронах. А потом рассказала, что он решил не приезжать на похороны, принимая во вни-мание все обстоятельства, но что жена его там была. А еще она сказала, что всегда терпеть не могла Мод... Боже, прошу прощения, мистер Энтвисл, это просто сорвалось у меня с языка; я совсем не хотела...

– Всё в порядке, мисс Гилкрест, всё в порядке. – Голос адвоката звучал подбадривающе. – Вы же в курсе, я не член семьи и знаю, что Кора никогда не ладила со своей свояченицей.

– Тогда вечером она сказала приблизительно следующее: «Всегда знала, что Мод обязательно превратится в одну из этих любящих командовать женщин, которые всюду суют свой нос». Именно так она и сказала. А потом добавила, что немедленно ляжет в постель – она очень устала, бедняжка, – а у меня уже была готова бутылка с горячей водой, и она сразу же поднялась наверх.

– А больше она не сказала ничего, что бы вам запомнилось?

– Если вы имеете в виду какие-то *предчувствия*, мистер Энтвисл, то их у нее не было. В этом я абсолютно уверена. Понимаете, она действительно была в прекрасном настроении, то есть если не говорить о самом грустном событии и о том, что она очень устала. Она еще спросила меня, как я смотрю на поездку на Капри. На Капри! Конечно, я ответила, что это было бы великолепно и что я об этом даже и мечтать не могла, а она сказала только: «Мы поедem!» Как вам это нравится? Полагаю, то есть она об этом даже упоминала, но мне кажется, что ее брат оставил ей наследство или что-то в этом роде.

Мистер Энтвисл утвердительно кивнул.

– Вот бедняжка. Ну что же, я счастлива, что она хоть помечтала об этом. – Мисс Гилкрист вздохнула и проницательно добавила: – Теперь-то уж моя поездка на Капри вряд ли состоится.

– А что было на следующее утро? – поторопил женщину юрист, не обращая внимания на ее огорчение.

– На следующее утро миссис Ланскене чувствовала себя совсем плохо. Выглядела она просто кошмарно. Сказала, что почти не сомкнула глаз. Мучилась кошмарами. «Это все из-за того, что вчера вы слишком сильно устали», – сказала я ей, и она со мной согласилась. Позавтракала она в постели и все утро не вставала, но за ланчем опять пожаловалась, что так и не смогла уснуть. «Я все никак не могу успокоиться. В голову лезут всякие мысли», – сказала она. А потом добавила, что выпьет снотворное и все-таки постарается выспаться днем. А меня она попросила съездить в Рединг и обменять в библиотеке две ее книги, потому что она прочитала их, пока ехала в поезде, и читать ей больше было нечего. Обычно двух книжек ей хватает на неделю. Так что я отправилась сразу после двух, и это... это был последний раз... – Гилкрист захлюпала носом. – Знаете, она, должно быть, спала. Ничего не слышала, и инспектор уверяет, что совсем не страдала. Моргон считает, что ее убили первым же ударом... Боже мой, мне нехорошо от *одной мысли* об этом!

– Ну, ну же, успокойтесь! Я больше не буду спрашивать вас о том, что произошло. Мне просто надо было услышать все о том, как вела себя миссис Ланскене накануне трагедии.

– Совершенно естественно, я в этом уверена. Вы можете сказать ее родственникам, что кроме того, что она плохо спала ночью, в остальном миссис Ланскене была очень счастлива и с нетерпением смотрела в будущее.

Мистер Энтвисл некоторое время помолчал, прежде чем задал следующий вопрос. Он хотел сформулировать его осторожно, чтобы в нем не содержалось никакой подказки.

– А она отдельно не говорила ни о ком из своих родственников?

– Нет-нет. Кажется, нет, – задумалась мисс Гилкрист. – Разве что сказала, что расстроена, что не увиделась со своим братом Тимоти.

– И ничего не говорила о болезни своего брата Ричарда? О ее, э-э-э... причинах? Что-нибудь в этом роде?

– Нет.

Лицо мисс Гилкрист было совершенно спокойным. Энтвисл был уверен, что, если б Кора упомянула об убийстве, ее компаньонка не была бы сейчас так спокойна.

– Кажется, он болел уже какое-то время, – неопределенно произнесла женщина. – Хотя, должна сказать, что когда узнала об этом, то сильно удивилась. Он выглядел таким бодрым...

– Вы видели его – а когда? – быстро спросил адвокат.

– Когда он приезжал повидаться с миссис Ланскене. Кажется... да, это было недели три назад.

– Он что, ночевал здесь?

– Нет-нет, он приехал на ланч. Совершенно неожиданно. Миссис Ланскене его совсем не ждала. Кажется, там была какая-то семейная ссора, и из-за нее, как она сама мне рассказывала, они не виделись много лет.

– Да, все именно так.

– Она сильно расстроилась, когда встретила с ним снова и, по-видимому, поняла, как он болен...

– Она знала, что он болен?

– Ну конечно, я очень хорошо это помню. Потому что я тогда еще подумала – конечно, про себя, как вы понимаете, – уж не страдает ли мистер Эбернети разжижением мозга? Моя тетушка...

Воспоминания о тетушке мистер Энтвисл безжалостно прервал:

– А о разжижении мозга вы подумали потому, что миссис Ланскене что-то сказала?

– Да. Миссис Ланскене сказала что-то вроде: «Бедный Ричард. Смерть Мортимера сильно его состарила, и малярия его крепчает. Все эти разговоры о плохих предчувствиях и о том, что кто-то медленно его травит... Со стариками всегда так». Ну, а я-то и сама знала, что это абсолютная *правда*. Вот эта тетушка, о которой я вам хочу рассказать, так она была уверена, что слуги подсыпают ей яд в еду, и в конце жизни питалась только вареными яйцами – потому что, как она говорила, еще никому не удавалось отравить яйцо сквозь скорлупу. Тогда мы над ней подсмеивались, а вот по нынешним временам я и не знаю, *что б* мы делали. Ведь яиц так мало и почти все они иностранные – так что варить их очень рискованно.

Юрист слушал сагу о тетушке мисс Гилкрест – и не слышал ее. Он был очень взволнован.

– Полагаю, что миссис Ланскене не слишком серьезно относилась ко всему этому? – спросил он, когда его собеседница на секунду замолчала.

– Нет-нет, мистер Энтвисл, совсем напротив, она в это *верила*.

Это замечание заставило адвоката разволноваться еще больше, хотя и не совсем по той причине, которую имела в виду мисс Гилкрест.

Неужели Кора о чем-то догадалась? Ну, может быть, не сразу, а позже? Неужели она в это поверила?

Энтвисл прекрасно знал, что Ричард Эбернети не был маляриком. Он был абсолютно нормальным человеком и ни в коем случае не страдал манией преследования. Он как был, так и оставался хладнокровным бизнесменом – и на это его болезнь никак не влияла.

Было совершенно невероятно, что он стал говорить о своих подозрениях с сестрой. Но, может быть, Кора, с ее странной детской пронизательностью, смогла прочесть между строк и сама расставила все точки над «*i*» в рассказе Ричарда Эбернети?

Во многом, подумал мистер Энтвисл, Кора была совершенной идиоткой. У нее не было ни здравого смысла, ни уравновешенности, да и на жизнь она смотрела какими-то детскими глазами, однако, опять-таки чисто по-детски, эта женщина обладала способностью сразу же определять самую суть дела, что было довольно удивительно.

Старый юрист решил закончить беседу. По его мнению, мисс Гилкрест не могла больше рассказать ничего нового. Он только спросил ее о завещании, и женщина не задумываясь сказала, что завещание Коры Ланскене лежит в банке.

После этого, сделав несколько мелких распоряжений, мистер Энтвисл удалился. Он настоял на том, чтобы мисс Гилкрест приняла небольшую сумму наличными на покрытие текущих расходов, и сказал, что свяжется с ней снова, а пока будет благодарен ей, если она поживет в коттедже во время поисков новой работы. Это, по его словам, будет для нее очень удобно и ей не придется нервничать.

Однако адвокату не удалось сбежать, не ознакомившись с коттеджем и не изучив многочисленные картины, написанные Пьером Ланскене, которые были развешаны в небольшой столовой и которые заставили мистера Энтвисла содрогнуться, – в основном это была обнаженная натура, написанная без всякого намека на талант, но с большим вниманием к деталям. Его также заставили восхититься этюдами небольших живописных гаваней, которые рисовала сама Кора.

– Полперро, – произнесла мисс Гилкрест с гордостью. – Мы были там в прошлом году, и миссис Ланскене была потрясена его видами.

Энтвисл, рассматривая Полперро с юго-запада, северо-востока, а также с других направлений, согласился, что потрясение Кору было видно невооруженным глазом.

– Она обещала оставить мне все свои этюды, – мечтательно заметила ее компаньонка. – Они мне так нравятся... Вот на этом видно, как рассыпаются волны прибоя, не правда ли? Даже если она забыла о своем обещании, как вы думаете, смогу я взять хотя бы *один* на память?

– Уверен, что это можно будет организовать, – снисходительно согласился юрист.

Сделав еще несколько распоряжений, он отправился в банк для беседы с его директором, а затем продолжил свои консультации с инспектором Муртоном.

Глава 5

I

– Ты совершенно истощен, не больше и не меньше, – сказала мисс Энтвисл тем не терпящим возражения тоном, которым сестры обычно разговаривают с братьями, в чьем доме ведут хозяйство. – В твоём возрасте подобные путешествия совершенно ни к чему. Да и хотелось бы мне знать, какое это вообще имеет к тебе отношение? Ты же, по-моему, ушел на покой?

Брат мягко напомнил ей, что Ричард Эбернети был одним из его старинных друзей.

– Ну конечно, еще бы! – ответила на это женщина. – Но Ричард Эбернети умер, не так ли? Поэтому, на мой взгляд, тебе совершенно ни к чему заниматься делами, которые тебя не касаются, и подхватывать смертельную простуду в этих продуваемых всеми ветрами железнодорожных вагонах. Да еще это убийство! Не могу понять, почему они вообще за тобой послали?

– Они связались со мной, потому что нашли в доме убитой письмо, подписанное мною, в котором я сообщаю Коре подробности организации похорон.

– Похороны! Просто одни за другими... и это напомнило мне кое о чем. Звонил еще один из твоих драгоценных Эбернети – по-моему, он назвался Тимоти. Звонил откуда-то из Йоркшира – и хотел поговорить о *похоронах*! Обещался перезвонить.

Звонок мистеру Энтвислу раздался вечером. Сняв трубку, адвокат услышал голос Мод Эбернети:

– Слава богу, что я наконец-то до вас дозвонилась! Тимоти просто в ужасном состоянии. Эти новости о Коре просто чрезвычайно его расстроили.

– Ну, это вполне понятно, – ответил Энтвисл.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что это вполне понятно.

– Наверное... – В голосе Мод прозвучало сомнение. – Вы что, хотите сказать, что это действительно было убийство?

(«*Но ведь его же убили, нет?*» – сказала тогда Кора. Правда, на этот раз ответ не вызывал у юриста никакого сомнения.)

– Да, это было убийство, – подтвердил Энтвисл.

– Тесаком? Как пишут в газетах?

– Да.

– Мне кажется *совершенно* невероятным, – сказала его собеседница, – что сестра Тимоти, его родная сестра, убита *топором*!

Мистеру Энтвислу это казалось не менее невероятным. Жизнь Тимоти была настолько далека от любого насилия, что создавалось впечатление, будто даже его родственники были от него застрахованы.

– К сожалению, приходится мириться с фактами, – мягко сказал адвокат.

– Я очень беспокоюсь за Тимоти. Все это так плохо на нем сказывается! Сейчас я уложила его в постель, но он настаивает на том, чтобы я уговорила вас приехать. Он задает десятки вопросов – будет ли досудебное расследование, кто должен на нем присутствовать, как быстро после этого и где можно похоронить несчастную Кору, и какие для этого есть деньги, и говорила ли Кора кому-нибудь о своем желании быть кремированной или... и оставила ли она завещание...

Мистер Энтвисл прервал миссис Эбернети, прежде чем перечень вопросов не стал слишком длинным:

– Завещание есть, и в соответствии с ним Тимоти является ее душеприказчиком.

– Боже, боюсь, что Тимоти это будет просто не под силу...

– Наша компания выполнит все необходимые формальности. Завещание очень простое: она оставила эскизы и аметистовую брошь своей компаньонке, мисс Гилкрист, а все остальное – Сюзан.

– Сюзан? А почему именно Сюзан, хотела бы я спросить? Сомневаюсь, чтобы она когда-нибудь ее видела, разве что в младенчестве.

– На мой взгляд, потому, что свадьба Сюзан тоже не была одобрена семьей.

Мод фыркнула:

– Даже Грегори гораздо лучше по сравнению с тем, чем был этот Пьер Ланскене! Конечно, свадьба с человеком, который работает за прилавком, в мои годы была бы совершенно исключена, но согласитесь, что аптека – это все-таки лучше, чем галантерея, да и выглядит Грегори достаточно респектабельно. – Она помолчала, а потом добавила: – Это что же значит, что доход, который Ричард оставил Коре, теперь перейдет к Сюзан?

– Совсем нет. Ее капитал будет разделен в соответствии с завещанием Ричарда. У самой бедняжки Кору есть всего несколько сотен фунтов и мебель. После того как будут заплачены текущие долги и мебель будет продана, я не думаю, что итоговая сумма составит больше чем пять сотен фунтов. Естественно, что будет проведено досудебное расследование. Это произойдет в следующий четверг. Если Тимоти ничего не имеет против, мы пошлем туда молодого Ллойда, чтобы тот проследил за соблюдением формальностей от имени семьи. Боюсь, что в связи с известными обстоятельствами потребуется нотариально оформленная доверенность, – добавил адвокат извиняющимся тоном.

– Как это все неприятно! Они уже поймали этого негодяя?

– Еще нет.

– Скорее всего, это один из тех недоделанных молодых людей, которые бродят по стране, грабя и убивая. Полиция в наше время совершенно несостоятельна.

– Нет-нет, – ответил Энтвисл. – Полицию ни в коем случае нельзя назвать несостоятельной. Даже и не думайте!

– И все равно все это кажется мне слишком невероятным. И это *так* плохо для Тимоти! Я надеюсь, что вы найдете время заехать сюда к нам, мистер Энтвисл. Я буду вам чрезвычайно благодарна. Мне кажется, что если вы сами побеседуете с Тимоти, то он успокоится.

Некоторое время старый адвокат молчал – в этом приглашении был здравый смысл.

– В том, что вы говорите, определенно что-то есть, – согласился он. – И в любом случае мне понадобится подпись Тимоти как душеприказчика на некоторых документах. Думаю, нам будет полезно встретиться.

– Великолепно. Вы сняли у меня с души колоссальный камень. Давайте завтра? И вы останетесь у нас на ночь. Самый удобный поезд – в одиннадцать двадцать с Сент-Панкрас.

– Боюсь, что я смогу выехать только во второй половине дня, – ответил мистер Энтвисл. – С утра у меня дела в Лондоне...

II

Джордж Кроссфилд сердечно поприветствовал Энтвисла, хотя и было заметно, что он удивлен.

– Я только что приехал из Личетт-Сент-Мэри, – объяснил адвокат, хотя эта фраза ровным счетом ничего не объясняла.

– Так это действительно тетя Кора? – уточнил Джордж. – Я прочитал в газете, но не мог в это поверить. Надеялся, что это однофамилица.

– Ланскене – фамилия не очень распространенная.

– Да, вы правы. Мне кажется, это естественное желание не верить в то, что кто-то из твоей семьи может быть убит. Мне это напоминает тот ужасный случай в Дартмуре в прошлом месяце.

– Неужели?

– Да, обстоятельства очень похожи. Одинокое стоящий коттедж. Две пожилые женщины, живущие вместе. И на первый взгляд награда убийцы совсем не адекватна затраченным усилиям.

– Ценность денег – понятие относительное, – заметил мистер Энтвисл. – Ключевое здесь – потребность. Если вам, к примеру, нужны десять фунтов, то пятнадцати будет больше чем достаточно. И наоборот. А вот если у вас потребность в ста фунтах, то сорок пять для вас будут хуже насмешки. А если нужна тысяча, то никакие сотни вас не удовлетворят.

– А я считаю, что *любые* деньги в наши дни – это просто дар божий, – сказал Джордж с неожиданным блеском в глазах. – Сейчас все на мели.

– Но не все из-за этого в *отчаянии*, – заметил адвокат. – В данном случае важна готовность совершить преступление от этого отчаяния.

– Вы имеете в виду что-то конкретное?

– Нет-нет, совсем нет, – сказал мистер Энтвисл. И немного помолчав, продолжил: – Вступление в права на наследство займет какое-то время. Вы не хотите получить аванс?

– Честно говоря, я собирался поднять этот вопрос, но сегодня утром, в банке, я сослался на вас, и они были очень милы в отношении моего овердрафта².

И опять пожилой юрист увидел в глазах Кроссфилда этот блеск. На этот раз, благодаря большому опыту, он его узнал. Джордж, по мнению Энтвисла, если не отчаянно, то очень сильно нуждался в деньгах. И тут адвокат наконец понял, что мучило его в отношении этого человека все последнее время – ему нельзя доверять в финансовых вопросах. Интересно, а старик Ричард Эбернети, у которого тоже был колоссальный опыт общения с разными людьми, тоже это почувствовал? Мистер Энтвисл был уверен, что после смерти Мортимера Ричард хотел сделать своим наследником Джорджа. Хотя тот и не носил фамилию Эбернети, он был единственным мужчиной среди молодой поросли, поэтому выбор его в качестве наследника никого не удивил бы. Ричард Эбернети послал за племянником, и молодой человек прожил у него в доме несколько дней. Было вполне вероятно, что по истечении этого срока старик понял, что Джордж не отвечает его требованиям. Он что, так же инстинктивно, как и Энтвисл, почувствовал, что парень не совсем честен? Вся семья считала отца Джорджа недостойным выбором со стороны Лауры. Биржевой игрок, который параллельно занимался еще какими-то загадочными делами... И Джордж пошел в своего отца, а не в семейство Эбернети.

По-видимому, неверно истолковав молчание адвоката, Кроссфилд неловко рассмеялся.

– Все дело в том, что в последнее время мне не очень везло с инвестициями. Я рискнул, но ничего не заработал. Вот это-то меня и подкосило. А теперь у меня будет возможность перегруппироваться. Ведь в нашей ситуации самое главное – это наличие свободных денег. «Арденс консолидейтид» выглядит совсем неплохо, как вам кажется?

Энтвисл никак не отреагировал на этот вопрос. Его гораздо больше интересовало, не играет ли Джордж на бирже на деньги клиентов, а не на свои собственные. Если ему грозит уголовное преследование...

– Я пытался связаться с вами на следующий день после похорон, – произнес адвокат. – Как я понимаю, на работе вас не было.

– Правда? А мне никто ничего не передавал... По правде сказать, я решил, что после таких отличных новостей я заслужил денек отдыха.

– Отличных новостей?

² Овердрафт – перерасход денег по банковскому счету.

Джордж покраснел.

– Послушайте, я не имел в виду смерть дяди Ричарда. Но сознание, что у тебя появились кое-какие монеты, здорово бодрит. Хочется это отпраздновать. Так что я отправился в Херст-парк³ и поставил там на пару лошадок, которые пришли первыми. Уж если начинает везти, то везет во всем! Дело-то всего в пятидесяти фунтах, а каков эффект!

– Вы правы, эффект присутствует, – согласился мистер Энтвисл. – А теперь у вас появятся еще и дополнительные деньги, которые перейдут от тети Кору.

Теперь его собеседник выглядел озабоченным.

– Бедная старушка! Вот не повезло так не повезло. И ведь это именно тогда, когда она, наверное, мечтала о том, как их потратит...

– Будем надеяться, что полиция найдет ее убийцу, – сказал адвокат.

– Думаю, что обязательно найдет. Полиция у нас хорошая. Они поработают со всеми неблагонадежными в округе – рассмотрят их буквально под микроскопом и заставят рассказать, что каждый из них делал в момент убийства.

– Это не так просто, как кажется, особенно когда после убийства прошло какое-то время, – заметил мистер Энтвисл с ледяной улыбкой, означавшей, что он собирается пошутить. – Вот я, например, в три тридцать того дня был в книжном магазине Хатчарда. А буду ли я это помнить, если полиция станет допрашивать меня дней через десять? Сильно сомневаюсь. А вы, Джордж, были в Херст-парке. Скажите, а вы вспомните, в какой из дней ходили на скачки, скажем, через месяц?

– Ну, можно запомнить по дате похорон – на следующий день.

– Это верно. Ну и потом, у вас же есть эта пара победителей. Еще один якорек для памяти. Человек редко забывает имена лошадей, которые принесли ему деньги... А как их, кстати, звали?

– Дайте вспомню... Гэймарк и Фрогг Второй. Да уж, их я быстро не забуду! Энтвисл сухо засмеялся и вышел.

III

– Как это мило, что вы к нам заглянули, – произнесла Розамунда без всякого энтузиазма. – Но ведь сейчас еще так рано... – Она громко зевнула.

– Одиннадцать часов утра, – сказал мистер Энтвисл.

– У нас вчера была жуткая вечеринка, – объяснила миссис Шайн извиняющимся тоном, не прекращая зевать. – Слишком много спиртного. Майкл, по-моему, все еще пьян.

Так же зевающий Майкл появился через несколько мгновений. В руке у него была чашка с черным кофе, а одет он был в элегантный домашний халат. Выглядел молодой человек измученным, но привлекательным, а улыбка у него была, как всегда, полна очарования. На Розамунде была черная юбка и довольно грязный желтый пуловер – и больше, насколько мог судить ее гость, ничего.

Аккуратный и утонченный адвокат совсем не одобрял образа жизни молодых Шайнов. Эта довольно запущенная квартира на первом этаже дома в Челси – бутылки, стаканы, сигаретные бычки, которые были разбросаны повсюду, и спертый воздух, полный запахов пыли и отходов.

А посреди всего этого цвели Розамунда и Майкл, демонстрируя окружающим свою красоту. Они действительно являлись красивой парой и, по мнению мистера Энтвисла, были очень близки друг с другом. По крайней мере, миссис Шайн просто обожала своего мужа.

³ Место в пригороде Лондона, где находится один из ипподромов.

– Дорогой, – произнесла она, – а как ты смотришь на глоток шампанского? Ну, чтобы просто прийти в себя и выпить за будущее. Милый мистер Энтвисл, да это просто какая-то сказка, что дядюшка Ричард оставил нам все эти очаровательные денежки, причем именно сейчас...

Старый адвокат заметил гримасу недовольства, которая появилась на лице у Шайна, но Розамунда продолжала как ни в чем не бывало:

– Потому что сейчас появилась эта очаровательная пьеса и Майклу предложили опцион на нее. Там есть просто прекрасная роль для него и совсем небольшая – для меня. Это об одном из нынешних молодых преступников, который в действительности ну просто святой, – она доверху набита последними модерновыми идеями.

– Да уж, наверное, – холодно произнес адвокат.

– И вот он грабит и убивает, и за ним охотится полиция, и его отвергает общество – а потом, в самом конце, происходит настоящее чудо.

Взбешенный Энтвисл сидел абсолютно молча. Эти молодые люди иногда несут просто убийственную дурь. *И* пишут тоже!

Хотя сам Майкл Шайн все больше молчал. На лице его все еще была недовольная гримаса.

– Мистера Энтвисла совсем не интересуют наши дела, Розамунда, – сказал он. – Помолчи минутку, и пусть он скажет нам, зачем пришел.

– Есть пара небольших вопросов, с которыми надо разобраться, – ответил юрист. – Я только что вернулся из Личетт-Сент-Мэри.

– Так, значит, убили тетю Кору? – вновь заговорила миссис Шайн. – Мы читали об этом в газетах. И я еще сказала, что это должна быть она, потому что имя очень необычное... Бедная тетюшка Кора! Во время похорон я все смотрела на нее и удивлялась, как вообще может жить такое чучело? И думала, что лучше умереть, чем выглядеть так, как она, – а вот теперь она действительно *мертва*. Вчера вечером никто не хотел *верить*, что убитая топором в Личетт-Сент-Мэри женщина – моя *тетя*! Все только смеялись, правда, Майкл?

Шайн ничего не ответил, а его жена, с видом полного удовлетворения, продолжила:

– Два убийства, одно за другим... Не слишком ли много, а?

– Не будь дурой, Розамунда, твоего дядю Ричарда никто не убивал, – проворчал молодой человек.

– А Кора думала иначе.

Мистер Энтвисл вмешался, чтобы задать вопрос:

– После похорон вы сразу же вернулись в Лондон, не так ли?

– Да, мы вернулись одним поездом с вами, – кивнула миссис Шайн.

– Ах да... Ну конечно! Я спрашиваю, потому что пытался связаться с вами, – адвокат бросил быстрый взгляд на телефон, – на следующий день. Звонил вам несколько раз, но безуспешно.

– Боже, мне очень жаль! – вздохнула Розамунда. – А что мы в тот день делали? Позавчера? Мы были дома часов до двенадцати, правда, милый? А потом ты попытался разыскать Розенхайма и отправился с Оскаром на ланч, а я пошла покупать чулки и прошвырнуться по магазинам. Мы должны были встретиться с Джанет, но разминулись. Да, и я провела прекрасный день в магазинах – а потом мы пообедали в «Кастилье». Вернулись где-то около десяти, мне кажется.

– Около того, – согласился Майкл и задумчиво посмотрел на мистера Энтвисла: – А зачем вы пытались с нами связаться, сэр?

– Да просто возникло несколько вопросов, связанных с наследством Ричарда Эбернети, – надо было подписать бумаги и все такое.

– А мы деньги можем получить уже сейчас или нам придется ждать вечность? – спросила Розамунда.

– Боюсь, – ответил Энтвисл, – что закон требует некоторой отсрочки.

– Но мы же можем получить аванс или нет? – На лице молодой женщины появилась тревога. – Майкл сказал, что можем. Дело в том, что для нас это очень важно. Все из-за этой пьесы.

– Ну, никакой спешки в действительности нет, – сказал Шайн приятным голосом. – Просто надо решить, соглашаемся мы на этот опцион или нет.

– Думаю, что организовать аванс не составит большого труда, – согласился юрист. – Столько, сколько вам потребуется.

– Ну, тогда все в порядке, – с облегчением вздохнула Розамунда, а потом добавила – как будто эта мысль только что пришла ей в голову: – А что, тетя Кора тоже оставила какие-нибудь деньги?

– Немного. Вашей кузине Сьюзан, – сообщил Энтвисл.

– А почему Сьюзан, хотела бы я знать? И много?

– Несколько сотен фунтов и какую-то мебель.

– Хорошую?

– Нет, – ответил адвокат.

– Странно все это, – сказала миссис Шайн, мгновенно потеряв всякий интерес к вопросу. – Совершенно неожиданно, сразу после похорон, Кора произносит: «Но ведь его же *убили*, нет?», а потом, уже на следующий день, убивают *ее саму*. Странно, правда?

Какое-то время в комнате висела довольно неловкая тишина, пока мистер Энтвисл тихонько не произнес:

– Действительно, очень странно.

IV

Энтвисл внимательно рассматривал Сьюзан Бэнкс, которая сидела, подавшись вперед, напротив него и говорила в своей всегдашней возбужденной манере. Ничего общего с красотой Розамунды. Хотя лицо Сьюзан было привлекательным, и его привлекательность заключалась, решил адвокат, в жизненной силе, которой оно светилось. Рот миссис Бэнкс был полным и красиво очерченным. Это был рот женщины – так же, как и тело Сьюзан было телом женщины, наверное, даже чересчур. И в то же время во многом миссис Бэнкс напоминала своего дядю, Ричарда Эбернети. Формой головы, линией подбородка, глубоко посаженными внимательными глазами... Так же, как и Ричард, она обладала таким же доминирующим характером, такой же жизненной энергией, предусмотрительностью и решительностью. Из трех представителей молодого поколения одна Сьюзан, казалось, была сделана из того материала, который позволил Эбернети создать свою империю. Смог ли Ричард разглядеть в ней свой собственный характер? Мистер Энтвисл подумал, что да. Его друг всегда очень хорошо разбирался в людях. А здесь качества, которые он так искал, лежали прямо на поверхности. И тем не менее в своем завещании Ричард Эбернети никак не выделил Сьюзан. Разочарованный, по мнению Энтвисла, в Джордже и не обративший внимания на хорошенькую дурочку Розамунду, разве он не мог найти во второй племяннице то, что искал, – продолжательницу его дела?

Если нет, то причиной, по логике вещей, мог быть только муж Сьюзан. Пожилой адвокат незаметно посмотрел через плечо Сьюзан на Грегори Бэнкса, который машинально точил карандаш.

Худой, высокий, ничем не примечательный молодой человек с волосами песочного цвета. Он настолько терялся на фоне яркой индивидуальности своей жены, что было трудно понять, что он собой представляет. В этом парне не было ничего выдающегося – довольно приятный, со

всем согласный – «подпевала», говоря нынешним языком. Его ненавязчивость вызывала какое-то смутное чувство тревоги. Он совершенно не подходил Сьюзан, но все-таки она настояла на замужестве, подавив всю оппозицию, – почему? Что же она в нем увидела?

И вот теперь, через шесть месяцев после свадьбы, она все еще без ума от этого парня, подумал адвокат. Он хорошо знал эти признаки. Через контору «Боллард, Энтвисл, Энтвисл и Боллард» прошло великое множество женщин с проблемами в браке. Женщины, которые были по уши влюблены в неказистых и, как потом выяснялось, совершенно недостойных их мужей; и женщины, с презрением относящиеся к мужьям привлекательным и безукоризненным или даже уставшие от них. Что каждая из них находила в своем конкретном мужчине, не поддавалось пониманию человека со средним уровнем интеллекта. Это была просто данность. Женщина, умная во всем, что касалось жизни, абсолютно теряла голову, когда дело касалось какого-то конкретного мужчины. Сьюзан, подумал мистер Энтвисл, была одной из таких женщин. Для нее весь мир вращался вокруг Грега, и в этом-то и заключалась опасность.

Сама она тем временем говорила с нажимом и возмущением:

– ...потому что это *действительно* отвратительно. Вы помните женщину, которую убили в Йоркшире в прошлом году? Никого даже не арестовали. А старушка в кондитерской, которую убили ломом? Они там кого-то задержали, но потом выпустили!

– Но, дорогая моя, нужны же доказательства! – заметил мистер Энтвисл.

Сьюзан не обратила на его замечание никакого внимания.

– А этот случай с сиделкой, вышедшей на пенсию, – там фигурировал не то тесак, не то топор, совсем как в случае с тетушкой!

– Боже, да мне кажется, что вы специально изучали все эти преступления, Сьюзан, – мягко произнес юрист.

– Но это же естественно, что такие вещи запоминаются, особенно когда убивают члена твоей семьи, да еще и похожим способом, – все это показывает, что по стране бродит множество людей, которые вламываются в дома и нападают на одиноких женщин, а полиция, похоже, на все *наплевать!*

Энтвисл отрицательно покачал головой:

– Не надо оскорблять полицию, Сьюзан. Это проникательные и достойные люди, которые настойчиво выполняют свои задачи. И то, что о расследовании пока ничего не написано в газетах, совсем не значит, что ничего не делается, поверьте мне.

– И тем не менее каждый год мы имеем сотни нераскрытых преступлений.

– Сотни? – Адвокат посмотрел на женщину с сомнением. – Какое-то количество – да, без сомнения. Но ведь во многих случаях полиция знает имя преступника, но не имеет достаточных доказательств его вины, для того чтобы предъявить ему обвинение.

– Я в это не верю, – сказала миссис Бэнкс. – Уверена, что если вы точно знаете, *кто* совершил преступление, то доказательства найти не так уж и сложно.

– Интересно, – задумчиво сказал мистер Энтвисл, – интересно, есть ли...

– Есть ли у них хоть какие-то подозреваемые в случае тети Кору?

– Этого я сказать не могу. По крайней мере мне об этом неизвестно. Хотя они вряд ли будут рассказывать мне все – да сейчас еще и слишком рано; не забывайте, что убийство совершено только позавчера.

– Уверена, что убийца – человек достаточно специфический, – предположила Сьюзан. – Жестокий и, может быть, не совсем в себе – какой-нибудь демобилизованный солдат или уголовник... Я хочу сказать, что использование топора говорит само за себя.

Со слегка удивленным видом мистер Энтвисл приподнял брови и пробормотал:

Лиз Борден⁴ топорик схватила,
Раз двадцать маман угостила,
Затем за отца принялась,
По кумполу бедного хрясь!

– Ах вот как! – Миссис Бэнкс порозовела от гнева. – С Корой никто из родственников не жил, если не считать компаньонку. И в любом случае Лиззи Борден была оправдана. Никто так никогда и не узнал, она ли убила своего отца и мачеху.

– Да, стишок клеветнический, – согласился адвокат.

– А вы что, считаете, что это могла совершить компаньонка? Кора ей что-то оставила?

– Аметистовую брошь, очень дешевую, и этюды рыбацких деревень, которые имеют чисто сентиментальное значение.

– Для убийства необходим мотив, если только человек не совсем псих.

– В этом случае единственный человек, у которого такой мотив был, – это *вы*, дорогая Сьюзан.

– Что вы сказали? – неожиданно подал голос Грег. Создалось впечатление, что он только что проснулся. В его глазах засветился нехороший огонь, и он неожиданно перестал быть незаметной фигурой заднего плана. – Какое отношение ко всему этому имеет Сью? Что вы имеете в виду, когда говорите подобные вещи?

– Замолчи, Грег, – резко произнесла Сьюзан. – Мистер Энтвисл не имел ничего...

– Это была маленькая шутка, – произнес их гость извиняющимся тоном. – Боюсь, не очень хорошего качества. Кора оставила наследство – все, что у нее было, – в вашу пользу, Сьюзан. Хотя для молодой леди, которая только что унаследовала несколько сотен тысяч фунтов, наследство в несколько сот фунтов не может быть достаточным поводом для убийства.

– Она оставила мне свои деньги? – Миссис Бэнкс была удивлена. – Невероятно! Она ведь меня совсем не знала! А почему, как вы думаете?

– Думаю, что она слышала о небольших... э-э-э... осложнениях, которые сопровождали вашу свадьбу, – объяснил юрист, и Грег, вернувшийся к своим карандашам, оскалился. – Ее собственная свадьба тоже прошла не совсем гладко – так что, я думаю, она почувствовала в вас родственную душу.

– Она ведь вышла замуж за художника, которого в семье никто не любил? – спросила Сьюзан с некоторым интересом. – А он был хорошим художником?

Мистер Энтвисл без колебаний отрицательно покачал головой.

– А в коттедже остались какие-нибудь его картины?

– Да.

– Тогда я сама оценю их.

Адвокат улыбнулся, заметив, как вздернулся подбородок молодой женщины.

– Да будет так, – кивнул он. – Я, без сомнения, старомодный и совершенно безнадежный в области современного искусства человек, однако мне кажется, что в этом случае вы полностью согласитесь с моим мнением.

– Но мне ведь в любом случае надо туда съездить? Посмотреть, что там осталось. Там сейчас кто-нибудь живет?

– Я договорился с мисс Гилкрист, что пока в коттедже поживет она.

– У нее, должно быть, железные нервы, – вмешался в разговор Грег. – Жить в доме, в котором было совершено преступление...

⁴ Лиззи Борден (1860–1927) – гражданка США, которая стала известна благодаря знаменитому делу об убийстве ее отчима и матери. Несмотря на большое количество доказательств ее вины, она была оправдана.

– Я бы сказал, что мисс Гилкрест – женщина вполне разумная. А кроме того, – сухо добавил адвокат, – я думаю, что ей просто некуда идти, пока она не найдет себе новое место.

– Так, значит, смерть Кору оставила ее без кола и двора? Они с тетей Корой... они были близки? – спросила миссис Бэнкс.

Энтвисл посмотрел на нее с любопытством, пытаясь понять, что она имеет в виду.

– Думаю, в разумных пределах, – ответил он наконец. – Кора никогда не обращалась с ней как со служанкой.

– Она обращалась с ней гораздо хуже, смею вас уверить, – сказала Сьюзан. – Эти гнусные так называемые «леди» в наши дни душу готовы вынуть из человека. Я постараюсь найти мисс Гилкрест приличное место. Это не так сложно. Любой, кто готов выполнять кое-какую домашнюю работу и готовить, сейчас на вес золота – она ведь наверняка умеет готовить?

– О да, – подтвердил юрист. – Мне кажется, что она против того, что называет «тяжелой» работой, хотя, боюсь, не смогу объяснить вам, что она вкладывает в это понятие.

Было видно, что миссис Бэнкс наслаждается беседой.

– Ваша тетка назначила Тимоти своим душеприказчиком, – сказал Энтвисл, посмотрев на часы.

– Тимоти, – повторила Сьюзан с печальной гримасой. – Дядя Тимоти уже почти превратился в миф. Никто никогда не видел его.

– Не совсем так. – Адвокат еще раз посмотрел на часы. – Сегодня, во второй половине дня, я еду к нему на встречу. Я расскажу ему о вашем решении посетить коттедж.

– Думаю, что это займет у меня каких-то пару дней. Я не хочу надолго уезжать из Лондона. У меня сейчас множество планов – я хочу заняться бизнесом, – заявила молодая женщина.

Мистер Энтвисл осмотрел крохотную замусоренную гостиную, в которой они сидели. Было видно, что денег Бэнксам не хватает. Он знал, что отец Сьюзан растратил почти все свои деньги и ничего не оставил своей дочери.

– А могу я спросить, чем именно вы хотите заняться? – поинтересовался юрист.

– Я положила глаз на недвижимость в районе Кардиган-стрит, – рассказала Сьюзан. – Думаю, если потребуется, вы сможете выдать мне аванс? Возможно, мне придется внести депозит.

– Это можно будет организовать, – ответил адвокат. – Я несколько раз звонил вам на следующий день после похорон – и никак не мог дозвониться. Я так и думал, что вам, возможно, потребуется аванс. Вы, наверное, уехали из Лондона?

– Нет-нет, – быстро ответила его собеседница. – Мы были дома. Оба. Мы вообще не выходили.

– Знаешь, Сьюзан, мне кажется, что в тот день наш телефон не работал, – осторожно заметил Грег. – Ты помнишь, как я пытался связаться с «Хард и компания» во второй половине дня? Я еще хотел вызвать мастера, но на следующее утро он сам исправился.

– Ох уж эти телефоны! – заметил мистер Энтвисл. – Иногда с ними творятся странные вещи.

– А откуда тетя Кора узнала о нашей свадьбе? – неожиданно спросила Сьюзан. – Ведь это произошло в мэрии, и мы об этом заранее никому не говорили!

– Думаю, ей мог рассказать Ричард, – предположил ее гость. – Она переделала завещание недели три назад, как раз после того, как он к ней приезжал. А в предыдущем она все оставляла Теософскому обществу⁵.

На лице миссис Бэнкс появилось удивление.

– Дядя Ричард к ней приезжал? Я ничего об этом не знала!

⁵ Основано в Нью-Йорке в 1875 г. Е. Блаватской.

- Я сам об этом ничего не знал, – сказал Энтвисл.
- Так это было, когда...
- Когда что?
- Да так, ничего, – ответила Сьюзан.

Глава 6

I

– Как мило, что вы приехали, – хрипло сказала Мод, встречая мистера Энтвисла на платформе Бейхэм-Комптон. – Уверяю вас, что мы с Тимоти очень вам благодарны. Вы же понимаете, что смерть Ричарда оказалась худшим, что могло случиться с Тимоти.

С такой точки зрения адвокат еще не рассматривал смерть своего друга. Однако он видел, что это единственный угол, под которым могла рассматривать ее миссис Тимоти Эбернети.

Пока они шли в сторону выхода, Мод попыталась развить свою мысль:

– Начнем с того, что это был *шок* – Тимоти был очень привязан к Ричарду. А потом, к сожалению, это навело Тимоти на мысль о своей собственной смерти. Будучи таким больным, он здорово из-за себя нервничает. А теперь он понял, что остался последним живым из всех братьев, и все время твердит, что теперь на очереди он сам и что ему уже не очень долго осталось... Все это совершенно ужасно. Я ему так об этом и говорю.

Они вышли из здания станции, и миссис Эбернети направилась к почти антикварному автомобилю, полностью пришедшему в упадок.

– Прошу прощения за нашу тарактелку, – сказала она. – Мы уже многие годы хотим купить новую машину, но, к сожалению, не можем себе этого позволить. У этой уже два раза меняли двигатель – все эти старые машины требуют много сил и внимания. Будем надеяться, что она заведется, – добавила женщина, – а то иногда ее приходится заводить ручкой.

Она несколько раз нажала педаль стартера, но в ответ послышалось только бесполезное жужжание. У мистера Энтвисла, которому никогда в жизни не приходилось заводить машину ручкой, появились дурные предчувствия, однако Мод сама вышла из машины, вставила заводную ручку и несколькими энергичными поворотами вернула мотор к жизни. Хорошо, подумал про себя адвокат, что Мод оказалась такой сильной женщиной.

– Ну, вот и хорошо, – сказала она. – Эта старая скотина в последнее время доставляет мне много хлопот. Например, когда я возвращалась после похорон. Мне даже пришлось пройти пару миль пешком – до ближайшего гаража. А там и мастеров-то хороших не оказалось – обыкновенная деревенская дыра. Мне пришлось переждать в местной гостинице, пока они возились с мотором. И *это*, конечно, тоже расстроило Тимоти. Я была вынуждена позвонить ему и предупредить, что не буду ночевать дома. Разозлился он просто ужасно. Мы стараемся как можно меньше рассказывать ему, но ведь есть вещи, которые не скроешь, – убийство Кору, например. Мне пришлось попросить доктора Бартона дать ему успокоительное. Убийство – это совсем не для таких больных людей, как Тимоти. Мне кажется, что Кора всегда была идиоткой.

Энтвисл предпочел молча обдумать услышанное. Он никак не мог понять причинно-следственных связей.

– Мне кажется, что я не видела Кору с самой нашей свадьбы, – сказала Мод. – Тогда я не решилась сказать Тимоти: «Твоя сестра – полная идиотка». Но именно так я *подумала*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.